

Лев Аскеров

Приговоренные

Лев Аскеров

Приговоренные

«PEN-клуб»

2002

Аскеров Л.

Приговоренные / Л. Аскеров — «PEN-клуб», 2002

И в этом очередном научно-фантастическом романе автор остался верен остросюжетной манере письма и своему необычному видению и пониманию мироздания и человека в нем. Своеобразная философия бытия человеческого, облеченная в захватывающие строки повествования, будет держать читателя в напряжении до последней строчки последней страницы.

© Аскеров Л., 2002

© PEN-клуб, 2002

Содержание

Блуждающие в Вавилоне	6
Глава первая	7
1. Секреты нимба	7
2. Набег	10
3. Земляночка	13
4. Кара	16
Глава вторая	18
1. Триумвират мастеров	18
2. Перл борзописца	22
3. Инженер Строптивный	26
4. Мама	28
Глава третья	31
1. Ментор	31
2. «Эффект капрала»	34
3. Подарок, который в нас	37
4. Дело о первородном грехе	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лев Аскеров

Приговоренные

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Блуждающие в Вавилоне

(Пролог)

Они словно спятили. И спятили все. И спятили вдруг. Поутру. Проснулись не теми, что были вчера.

Хотя с виду ни капельки не изменились. Выглядели так же, как и вчера. Когда были предупредительны один к другому. Когда понимали друг друга без слов. Когда были снисходительны и благоразумны. Когда единственное мудрое решение выбиралось из многих других. И когда ему послушно следовали все.

Но то было вчера. Всего лишь вчера. А сегодня, спозаранок, восстав ото сна, люди не проснулись. Глаза их так и повисли в липкой паутине дремоты. Хотя видели они тот же белый свет. Тех же братьев и сестер своих. Но обомлели они от всего увиденного. Донельзя удивились и самим себе и тому, что лежало окрест. И долина Синнар, где еще чадили в нежный рассвет костры их стойбища, стала им отвратительной. Перед новым, будто промытым чем-то их взором она предстала в непригляднейшем виде – голой, загаженной, неприятной. А башня, что воздвигалась ими, уродством своим и бессмысленностью вызывала в них смех и ропот.

Что привело их сюда? Что они строят и кому это нужно?

Люди сбивались в толпы. Они неистовствовали и еще больше сходили с ума. И тысячи суждений, вместо одного мудрого решения, стали хозяевами положения.

И стал Вавилон истоком ужаса между народами. Стал он отцом и матерью вспыхнувшей ненависти между ними.

Люди сбивались в племена и накидывались друг на друга, как своры бешеных псов. Потекли реки крови. На Земле стоял стон и плач. Все было дико, как детоубийство. И было все так естественно, словно так оно всегда и было. Будто бы по-людски, но в сатанинском порядке вещей...

Людям стало мало земли, которой они владели. Хлеба, который они выращивали. Вод, которые утоляли жажду и кормили их рыбой. И лоз виноградных, и смоквы, и олив им будто было не в избытии. И тучные стада соседей вызывали в них зависть. Хотя поголовье принадлежащего им скота было ничуть не скудным. И будто бы их леса и горы не были полны дичи...

Да и в самих племенах не было согласия. Говорили на языке одном, а получалось не в лад. Получалась разноголосица. И звериного в той разноголосице было больше. Сила стала почищаться выше разума. И пошел разум в поденщики к ней. Он стал вроде воска, принимавшего формы, какие требовались сильным племени сего. Разум лицемерил. Он всегда оправдывал силу. И всегда втихомолку осуждал ее... И рождалась подлость.

И торжествовало зло.

И стало у людей много богов. И просили они у них милостей, какими были одарены с избытком со дня пришествия на Землю.

Они просили богов, хотя знали, что Он один на всех. Как Земля, ее недра, ее воды и небо над ней.

Много кое-чего и очень важного для себя они знали. Да вдруг забыли. И стало все не так, как было.

Случилось это в Вавилоне, из которого с ненавистью ко всем и любовью к самим себе они ринулись вон. Но выбраться из него – так и не выбрались. И не потому, что не хотели, а потому что не могли сделать этого. Не могли и не могут.

Им только кажется, что они не в Вавилоне.

Глава первая

1. Секреты нимба

Он висел на волоске. Почти месяц. До сегодняшнего утра. А теперь – все. Через несколько дней состоится заседание ректората и его отчислят. Об этом только что ему сообщил декан Карамельник.

Все к этому и шло. Надеяться было не на что. Разве только на чудо. Но он был не так наивен.

Соломинка, правда призрачная, но, имелась. Могли сделать снисхождение как выпускнику. Все-таки двадцатый курс. Подумать только – *двадцатый!* Последний год. Такого в истории Школы не бывало.

Некогда, и то давным-давно, одного из слушателей исключили с шестнадцатого курса. По какой причине, никто из нынешних слушателей не знал. Не принято было распространяться по этому поводу. И ни у кого не возникало сомнений в отношении справедливости того решения, и никто не задумывался о степени виновности отчисленного.

За так просто отсюда не гонят. И потом тот ходил в ранге старшекурсника. А он – выпускник. Это могло помочь. Но... Вероятно, проступок его более тяжек.

Улыбчивый прищур блуждающих глаз Карамельника и слова, произносимые им, были полны неподдельного сочувствия и успокаивающего намека на то, что он практически ничего не потеряет, будет хорошо устроен и займет высокий пост в одном из сообществ граждан Великого Круга Миров. Будет часто общаться с бывшими своими однокашниками, сотрудничать с ними.

– Вот увидишь, – вкрадчиво говорил декан, полагая, что собеседника прельстила перспектива высокого поста. – Вот увидишь, еще здесь, у нас, в Резиденции Всевышнего, ты будешь незаменимым помощником нам. Тебя обязательно пригласят сюда. И помни мое слово, ты будешь помогать разрабатывать какой-нибудь грандиозный проект. Ты же талантливый парень.

– Пригласят?! – вскинулся выпускник. – Я хочу быть в Его команде. Я на то и учился. А помогать кому-то... То есть, – спохватился он, – не хочу «помогать разрабатывать».

Не хочу крошки от какого-либо проекта, который Всевышний предложит моим бывшим однокашникам.

Искрящиеся вдохновением глаза Карамельника вдруг замерли и в то же самое мгновение заволоклись дрожащей дымкой сострадания.

– Я делал все, что мог, Пытливый, – вздохнув, сказал он. – Поверь, как только я их не убеждал. Они приняли решение. Осталась одна малость: поставить в известность Его. Постольку-поскольку ты выпускник... Но это, как известно, формальность, – декан развел руками и понурил голову.

Не поднимая головы, он продолжал говорить. Говорил проникновенно. По-отечески. И виноватая улыбка на вечно слащавом лице придавала его словам необычайную силу искренности, перед которой хотелось упасть на колени облитесь слезами, просить не надрывать сердца и не убиваться за своего непутевого ученика.

Искренность эта была неискренней. На нее мог клюнуть любой из студентов, проучившийся до девятнадцатого курса, но только не он, не выпускник.

Ларчик, как говорится, открывался просто. Карамельник по случаю встречи с ним надел нимб. А это обстоятельство ставило под сомнение и отеческий тон, и его желание не вычеркивать Пытливого из списка выпускников.

Все дело было именно в нем, в нимбе. Пытливый знал его потаенную силу. Это знал каждый выпускник. Весь второй семестр девятнадцатого курса они изучали устройство, принцип действия и функциональные возможности нимба. Кроме того, Пытливый прошел большую практику работы с ним. Причем в числе немногих провел ее в экстремальных условиях. Ему как никому, пожалуй, были известны все его хитрости.

Хитроумная сила нимба пределов не имела. Вот почему он сомневался в каждой фразе, проникновенно роняемой деканом. Ведь то, что декан перед началом «задушевной» беседы с ним надел его, он тем самым сразу же поставил между собой и Пытливым знак неравенства. Казалось бы, все естественно. Пытливый – студент, а он – увенчанный Всевышним двухъярусным нимбом, видный деятель науки Великого Круга Миров и член Ректората Школы. Они друг другу, конечно, не ровня. Но на этой небольшой планете, называемой в обиходе Резиденцией Всевышнего, все ее обитатели от работающих непосредственно с Ним до обслуживающего персонала, обязаны были обращаться друг с другом как равные. Самое официальное обращение – «коллега», а самое распространенное – по имени.

Пытливому на первых порах, как он здесь поселился, трудно было, увидев ректора, назвать его «коллега» или запросто по имени – Ментор – язык не поворачивался. Ректор однажды даже пожурил его.

– Мы – коллеги, Пытливый, не правда ли? – мягко улыбнувшись, спросил он стоявшего перед ним в смущении слушателя.

– Да, коллега, – покраснев до ушей пролепетал Пытливый.

– А коль коллеги, значит, должны быть на «ты». Верно?

– Да, коллега, – тихо отозвался студент.

– Но я люблю, когда ко мне обращаются по имени. Надеюсь, ты знаешь, как меня зовут? Пытливый утвердительно кивнул.

– Кто этого не знает?! – воскликнул он. – Вас зовут Ментор.

Ректор внимательно посмотрел на студента.

– Ты большой льстец, парень, – заметил он.

– Нет, Ментор! – выпалил студент. – Неужели я оставляю такое впечатление? Просто в Великом Кругу Миров вы, то есть, ты – фигура очень известная.

– Да, ладно, – отмахнулся ректор и, попрощавшись, быстрым шагом направился к университетскому городку.

После того внушения Пытливый без робости обращался к окружающим на «ты» и по имени. И так свыкся с этим, что, прозвучи какое-либо другое обращение к нему, или к кому другому, это резануло бы ему слух.

И вот резануло. Значит, сейчас между ним и деканом не разговор равноправных жителей Резиденции, а беседа официальная. Так сказать, протокольная.

Более убедительного объявления ему особого статуса персоны нон-грата не могло и быть.

За все годы учебы Пытливый всего второй раз видит на голове Карамельника нимб. Расскажи кому из ребят, обалдели бы. Все семеро слушателей их группы, которую по поручению ректората курировал декан, первый и последний раз видели на нем нимб в день их знакомства. Девятнадцать лет назад. Еще на первом курсе. А после – никогда.

– Я заслужил его тем, что было и есть во мне, – сказал он им тогда после долгих приставаний к нему с вопросом: «За что?» – а затем поразмыслив, многозначительно добавил:

– Если в вас есть искра Божья, а она в вас есть, иначе вы бы не стали слушателями нашей Школы, вы скажете свое слово. Внесете свой вклад. И вас Удостоят. Я уверен, так оно и будет. Главное – работать.

Ну кто из них в то время мог поверить в реальность такого?! Впереди еще было двадцать лет.

Они учились, а он, их куратор, работал. И, наверное, оставаясь наедине со своими идеями, прибегал к помощи нимба. С ним было легче погружаться в проблему. Но не более того. Проблем он не решал, зато упрощал пути подхода к ним. Надень его, сосредоточься и в твоём умозрении, как на экране, высветится вся интересующая тебя идея. В каких угодно проекциях, вариантах и видах. В схемах, чертежах, формулах или текстах. На любой вкус. Хочешь, срисовывай. Хочешь, держи перед собой сколько тебе влезет. А хочешь – нимб разложит её на составные части. Даже продемонстрирует взаимодействие её со множеством других идей, к большинству из которых разум не прикасался и знал о них в общепринятых формулировках. Выбери, какую заблагорассудится, и дерзай.

Нимб, кроме того, мог смоделировать твою гипотезу в общий механизм мироздания, если, разумеется, ты изложишь своё видение её места в пространстве вселенных. Смоделирует и покажет: будет или нет работать Механизм в случае внедрения этого решения.

Как правило, модель замирает и огорчённый исследователь видит: результат – пшик. В такие минуты он готов растерзать все Миры. Мол, такого быть не может. Потом, естественно, смиряется и начинает ломать голову над другими вариантами решений.

Нет, нимб подсказать или указать на ошибку не может. Он не в состоянии этого сделать. Это выше его возможностей. Но он придаёт своему обладателю широту мышления. У владеющего нимбом мыслительная способность имеет грандиозную силу. Благодаря тонко устроенному контакту с Пространством-Временем нимб позволяет человеку выйти за ограничитель – черепную коробку. Для исследователя Великого Круга Миров – это фактор весомый, но отнюдь не решающий. Решает в конечном счёте сам человек.

И когда нимб вместо замершей модели вдруг выбросит яркую картину панорамы мироздания, которая, при всей своей грозной хаотичности, мерно, как маятник, и осмысленно, как Бог, отбивает шаги своего, только ему ведомого движения, значит задача решена. Значит, твоё предположение оказалось верным. Ответ – найден. И нимб незамедлительно передаёт его в компьютер Всевышнего.

Перегонять информацию о проблеме, над которой бьётся исследователь, и результатах, какие бы они ни были, на компьютер Всевышнего – первейшая обязанность нимба.

А вот указать исследователю на его заблуждения он не в состоянии. В нём такое не заложено. Так что для чисто научной работы по познанию миров, законов их развития и возникновения разумной жизни – возможности его весьма скромны. Зато нимб всемогущ вне Резиденции Всевышнего. Уж в этом-то Пытливый убедился самолично. На планете Земля. Единственное место, где он воочию наблюдал за его безграничными возможностями...

2. Набег

Действуя строго по Инструкции, Пытливый им на глаза не показывался. Хотя наблюдал за ними в открытую. Не прячась ни за камень, ни за куст, ни в темноту. Люди его не видели в упор. И если шли на него, он не отстранялся. Они проходили через него, как сквозь воздух. Для Пытливого ничего удивительного в этом не было. Он находился в другом измерении. В ином Пространстве-Времени. Так удобней было наблюдать за ними. И если нужно было, то помочь. Инструкция этого не запрещала.

Но люди вели себя не по-людски. Метали друг в друга камнями, кололи пиками, пронзали стрелами.

Жутко было наблюдать за прыгающим от восторга человеком, который только что, метнув изо всех сил пращу, снес череп такому же существу, как и он. А существо-то было еще дитем человеческим. Девочкой-подростком. Лет четырнадцати. Не больше.

Она вышла на порог добротного сколоченного бревенчатого дома с годовалым ребенком на руках, еще мгновение назад девочка улыбалась ему, тыкалась носом в голенькое пузико, и тот звонко смеялся.

Пытливый машинально, не задумываясь, что делает, помог ей удачно упасть. Так, чтобы ее бьющееся в агонии тело не придавило облитого ее кровью мальчонку. И чтобы, падая вместе с девочкой с крутых дубовых ступенек, он не покалечился.

Пытливый стоял словно прошитый молнией. Перед глазами разыгрывалась кровавая трагедия, а он стоял и смотрел. Он был элементарно ошеломлен.

Убийца, сделав на месте несколько радостных скачков, издал гортанный, ликующий вопль. Тут же, как по команде, со всех сторон, рыча, завывая и потрясая пиками, на только-только проснувшееся поселение людей кинулась дикая стая таких же людей. Они врывались в жилища и в них убивали себе подобных.

Защитить их было некому. Все мужчины этого племени с неделю как ушли в поход.

Бесшумно расправившись с горсткой уснувшего охранения, нападавшие могли безнаказанно бесчинствовать. Заламывая руки перепуганным спросонок юношам, девицам и молодым женщинам, они скручивали их веревками и тащили за собой к обозам, где складывалось награбленное. Потом снова возвращались. Старики им были не нужны. Их били чем попадя. Остервенело. Стараясь забить до смерти. И горе тому, кто пытался подняться. На него набрасывались со всех сторон, как свора голодных псов, и раздирали в клочья. Из загонов выгоняли коз, овец, коров и сбивали их в стадо. Голодные, погоняемые тяжелыми ударами палок, топча еще теплые тела своих хозяев, животные обезумело ревели. Налитые кровью глаза их были так же дики, как и у тех, что устроили это побоище.

Потерявшие человеческий облик, они дрались и между собой. Рвали друг у друга добычу. Пинались. Бросались кулаками. Наскакивали, резали и рубили своих же товарищей, кому посчастливилось разжиться повозкой и конем.

Пытливого вернул в чувство истошный женский крик. Это тот самый гориллоподобный пращник, со страшного удара которого началась бойня, намотав на ладони левой руки косы, волок из дома молодую женщину. Правой рукой он тащил огромный узел, набитый домашним скарбом. Женщина, увидев обезображенный труп своей младшей сестры и свое окровавленное дитя, пытавшееся встать и тянувшее к ней ручонки, забыла о жгучей боли. Она на какой-то миг умолкла.

– Сы-но-о-ок! – сквозь горловой спазм высипела она и лишилась чувств.

Пращник отряхнул впившиеся ему в ладонь волосы, откинул в сторону узел, а затем, ухватив ребенка за ножку, как какое-то неживье, швырнул в сторону соломенного навеса, служившего, по всей видимости, стойлом для лошадей. Пытливый мягко подхватил кувыркаю-

щегося в воздухе младенца и, ловко изменив траекторию полета, даже чуть-чуть ускорив его, уложил мальчика под навес, в высокую копну сена.

Горилла ухмыльнулся столь необычному своему броску. Пацаненок непонятно как залез в стойло. Горилла его не видел. И не слышал. Мальчик не издавал ни звука. Об этом позаботился Пытливый. Он перевел его крики в свое время. Пытливому от этого было не по себе. От перепуга и боли малыш орал на весь чужой мир. Ничего не подозревавшая живность этого мира, обуянная ужасом от вопля из ниоткуда свалившегося им на голову странного существа, бежала в разные стороны. Пращик, конечно, этого не слышал и не видел.

«Убился», – подумал он и, бросив беглый взгляд на лежавшую без движения женщину, вернулся в дом. Его товарищи продолжали там буйствовать. Выхватив из печи горящее полено, Горилла снова выскочил на улицу. Он было кинулся к навесу, но Пытливый без труда заставил его раздумать. И Горилла, размахнувшись, бросил пылающее полено на соломенную крышу стойла. Навес вспыхнул сразу весь, словно был осыпан порохом.

Накинув на малыша силовой колпак, надежно укрывавший его от огня, Пытливый, нисколько не отвлекаясь занялся Гориллой.

Он хорошо видит его. Видит со спины. На ней острием вверх на коротком древке болтается пика. Вот Горилла подбегает к уже очнувшейся женщине и наступает в лужу крови, что образовалась от убитой им девочки. Пытливый только этого и ждет. Он толкает его ногу вперед. Горилла теряет равновесие. Его словно что-то подбрасывает вверх. И Горилла падает на спину.

– Именно так ты и должен падать, – шепчет Пытливый.

Слегка отстраняя, он ставит древко пики на землю. Расчет точен. Под тяжестью грузного тела, острие копья с хрустом ломает пращику позвоночник.

Ему больно. Ему жутко, как больно. Но он не может крикнуть. Не может пошевелить ни руками, ни ногами. Глаза его выпучены. Рот разинут. Как бы он сейчас орал. Хоть немного да полегчало бы от крика. Но и этого он не может.

– Поскользнулся, бедняга, – не без сарказма вслух сказал Пытливый. И продолжая обозревать поселение, где шли грабеж, насилие и убийства, он между тем у поднимающейся на ноги женщины снял жгучую боль, внушил мысль о том, что ее ребенок спасен, находится в надежных руках, а ей самой грозит смертельная опасность и она должна бежать. Бежать немедленно.

Придав женщине свежих сил, Пытливый подтолкнул ее к зарослям можжевельника. И она не заставила себя ждать. Подобрал подол долгополого одеяния, женщина стремглав кинулась в колючие кусты.

Ей больше ничего не угрожало. Пытливый это знал. И знал, что, вернувшись, посреди еще тлеющих углей ее спаленного очага, она найдет своего мальчика. Накормленный, он будет спокойно спать на руках у старухи.

Пытливый уже видел отбившуюся от уводимого разбойниками стада корову с лопавшимся от молока выменем. Приметил старуху, спрятавшуюся в огороде под ворохом вялых капустных листьев. Старушка жила одиноко. У ней не было никого. Муж и три сына ее давно погибли в бессмысленных баталиях.

Пытливый уже дал ей команду, что делать, когда уйдут душегубы. Она найдет корову и приведет ее сюда, к этому дому. Накормит молоком мальчика, поест сама, а потом уснет. Уснет с ребенком на руках. Прямо среди пепелища. Все это она обязательно сделает. И сделает бессознательно.

Налетчики тем временем нашли пращика. Они его тормозили, поворачивали с боку на бок. От адской боли тот терял сознание. Но снова приходил в себя. Из глаз его градом катились слезы. Ни кричать, ни тем более что-либо сказать он не мог. А плакать мог. И он плакал.

– Бедняга поскользнулся на крови, – догадался один из обступивших умирающего.

Он как две капли воды был похож на него. Они были братьями. И похожими они были не только наружностью. Он тяжело обвел соплеменников желтыми глазами и приказал:

– Оставьте его. Не мучьте. Пусть умирает как подобает вождю. Освободить для него самую лучшую повозку. Набить соломой. И осторожно положить в нее. Если он охнет – всем башки поотрываю.

Все поняли: у племени новый вождь.

К полудню налетчики под его предводительством снялись с места и, погоняя впереди себя стадо украденных животных и пленников, направились к себе домой.

Пытливый знал куда. Знал он и путь, по которому пойдет это племя людеподобных. И не просто знал – он видел. Он видел их родное городище, которое мало чем отличалось от того, что они так безжалостно сожгли. Видел их жилища. Видел жену умершего вождя, агукующую над колыбелью; старика, дремлющего на солнце; мирно пасущийся на изумрудном лугу скот и полноводную синюю речку.

«Они такие же люди», – с удивлением подумал Пытливый, наблюдая, как над трупами угасающего пожарища кружится воронье. Не упускал он из виду и ту женщину, которой помог бежать.

Изнемогая от усталости, она карабкалась то по одной, то по другой горе, продираясь сквозь заросли и буреломы дремучего леса. Спотыкалась, скатывалась с крутых склонов, падала, но заставляла себя подниматься и снова упрямо идти вперед. Изредка она что-то выкрикивала. Кажется, кого-то звала. Пытливый прислушался. Так оно и было.

«Ареско, милый... – звала она мужа. – Где ты?.. Услышь меня... Откликнись...»

А потом она все чаще и чаще стала вспоминать малыша.

«Пека... Пекушенька, родненький... Ягодка моя бессловесная... Беспомощный птеник...» – горько рыдая, причитала она.

Когда беглянка опять, оступившись, упала, Пытливый уже не позволил ей подняться. Он пахнул ей в лицо прохладным горным порывом, собравшим в себя ароматы дурманных трав. И женщина уснула. Ей надо было отдохнуть. Ей еще долго рвать на себе кожу на звериных тропах этих девственных гор. Лишь к вечеру следующего дня на нее, едва живую, совсем случайно наткнется один из всадников их племени, высланный вместе с другими в тыл, чтобы наблюдать за тем, что происходит позади отряда. Он с трудом узнает в ней жену их предводителя.

Пытливый все это знал. И не просто знал, а видел. И что самое интересное, мог влиять на происходящее. Даже немного подправить его. Переиграть. И мог он еще считывать мысли людей. Даже если перед ним стояла громадная толпа. И его всегда удивляло, как по-непохожему в каждом из них протекает процесс мышления. Видят, казалось бы, одно и то же, а думают, глядя на это нечто, по-разному. А потому и судят по-разному. И судят охотно.

Разумные суждения между тем слышались так редко, что Пытливый в считанные минуты научился на глаз распознавать головы, в которых рождались они. Эти головы излучали свет. У одних – слабо, у других – ярко. Глаз человека этого излучения не видел. И хотя люди слышали мудрых своих сородичей, они их не слушали. Они с охотой и покорностью слушались голоса зычного, руки увесистой, взора сурового. Брал верх не разум. Верх брала сила.

С высоты Пытливому хорошо это виделось. А с высоты ли?.. Все-таки в ракурсе ином. Потому что он видел людей в некоем объеме. И с высоты, и с поверхности Земли, и из недр ее, и изнутри человека. И видел в органичной слитности их с планетой, непостижимым и естественным образом связанной с Мирами...

3. Земляночка

Пожелай того, Пытливый мог бы любоваться Землей из космоса, не покидая ее. Все это он мог, находясь в том самом же месте, где сейчас был. В одном конкретном районе выделенного ему сектора. Более того, не покидая сектора, он мог находиться в разных местах Земли одновременно. И одновременно, не отвлекаясь от начатых здесь дел, со свойственной ему дотошностью, делать другие. И все благодаря нимбу. Точней, действию собственных мысленных импульсов на него.

Ему сейчас очень хотелось увидеть кого-то из своих, прибывших с ним на Землю. Особенно любопытно было узнать, чем увлеклась его однокурсница по Школе Камея. Но любопытство того же рода дожимало и Дрему. Другого их товарища по Школе, откровенно неравнодушного к Камее.

Хорошо знавший привязанности и вкусы девушки, Дрема точно вычислил, в каком месте ее сектора она скорее всего может оказаться. Так что, когда объявился Пытливый, Дрема был тут как тут. Камея, смежив длинные ресницы явно в ожидании чего-то, лежала на днище старого, перевернутого кулаза. Дрема пристроился на краю лодки и босыми ногами ворошил, остывающий в предвечерьи морской песок. Заметив Пытливого, Дрема несколько не удивился. А вместо приветствия приложил указательный палец к губам, мол, не шуми.

Пытливого это возмутило. «Посмотри на него?! – поморщился он. – Внаглую лезет к моей девушке, да еще просит не мешать».

Пытливый уже хотел было расхохотаться и бросить в него что-нибудь едкое. Чтобы обидеть. Да так, чтобы рикошетом задеть ее. И хорошо, успел остановить себя. Он вдруг неподалеку от них заметил земляночку. Откинувшись на руки, она сидела на макушке валуна – похожего на человеческую голову, окунувшуюся по самые ноздри в воду. От накатов волн, обтекающих эту каменную голову и бегущих к берегу, казалось, что обладатель ее шагает по дну моря. Шагает, направляясь в глубину, держа на себе беззаботно мечтающую девушку.

Не успел Пытливый объяснить себе, отчего создается такое впечатление, как до его слуха из далека-далека, то ли из глубин небес, то ли из темных, по-сказочному роскошных пучин этого моря, донесся едва слышный звук. Словно кто-то где-то, кажется случайно, задел плечом гитару. Она, с невыразимой кротостью беззащитного существа, отозвалась ласковым укором. Мол, больно мне. Но слабенький голосок потревоженной струны, зародившийся в хрупком инструменте, что тронул слух и сладкой истомой скользнул по сердцу, не исчез. Не пропал. Напротив, он с каждым мгновением нарастал. Становился все громче и громче. Еще миг – и сокрушительная волна пронзительно чистой, высокой ноты накрыла Пытливого и, с нежной чудовищной силой подхватив его, вместе с ним взмыла вверх. От неожиданности перехватило дыхание.

«Боже, что это?!» – судорожно глотнув, спросил он себя.

Перед глазами все та же картина. Тот же берег. На кулазе лежит Камея. Рядом – Дрема. Пытливый стоит там же, где стоял. Плещет море. Тихо. Как будто это сейчас никуда не исчезало. Может, это наваждение, устроенное ему Дремой?.. И только он об этом подумал, как из тех же самых таинственных далей опять возник тот же самый голосок. То ли звук потревоженной гитары, то ли скрипки, которой коснулся смычок. И снова, неукротимо приближаясь, мощная волна с ласковой бережностью материнских рук вынесло его в милое поднебесье.

«Божественно!» – шепчет он и, будучи безнадежным прагматиком, подсознательно дает точное объяснение услышанному:

«Эффект возвратного эха».

Конечно же, Дрема тут был ни при чем. Но Пытливого удивило не столько это уникальное явление природы, сколько его одушевленность. Оно было живым и осязалось им каждой порой

тела. Проникая изнутри, оно томной негой сжимало сердце. Наверное, потому, что накатывающийся звук был полон человеческих эмоций. И была в нем безысходная тоска. И была безбрежная радость. И была боль. И была любовь.

Пытливый принялся искать источник этого чуда. Ни Камея, ни Дрема к нему никакого отношения не имели. Мелькнула шальная мысль: может, какая вновь созданная морская особь? Но он сходу отверг ее. Быть того не могло. Они бы там, в Резиденции, знали бы. Тем более в Школе.

А может, эти твари преобразились и стали голосистыми – вроде мифических сирен? Ведь изменились же люди, которых недавно выпустили на волю из тепличных условий. Их выпустили, а они повыпрыгивали из ума. И никак не войдут в него, хотя все адаптационные сроки давно прошли. Ведь не зря же их, слушателей последнего курса Школы, прислали сюда на подмогу группе Мастеров, созидающих здесь разумную жизнь. Им нужны были специалисты, чтобы собрать как можно больше информации и, проанализировав ее, найти причину происшедшего с людьми.

Всевышний посчитал целесообразным отобрать пять десятков подающих надежды выпускников и отправить их на Землю, в распоряжение Мастеров. Лучшей практики чем там, на Земле, в возникшей нештатной ситуации не могло и быть. Напутствуя экспедицию, Ментор своим питомцам дословно воспроизвел слова, произнесенные Всевышним на Совете Избранных: «Свежий взгляд поможет Мастерам разглядеть свой просчет. Но честь и хвала ждет тех слушателей, кто доберется до истины. Кто установит первопричину, почему человечество Земли пошло вразнос».

И правда все здесь было шиворот-навыворот. Все как не надо. Не как у нормальных людей. Но этот пробирающий до мозга костей, трижды исторгнутый возвратным эхом голосовой пассаж ставил все перевернутое на ноги. В сердце мягкими лапками прокрадывалась бесконечная жалость к ним. Не такими уж казались они безнадежными зверьми.

Так тонко чувствовать и звуком окрасить всю гамму эмоций могла всего лишь одна особь. Особь разумного существа. А единственным разумным существом на этой планете был человек.

«Значит, земляночка. Кому еще быть кроме нее?!» – догадался Пытливый.

Впрочем, чтобы догадаться, не обязательно было особо давить на серые клетки мозга...

Земляночка уже стояла в рост. И, глядя на золотую ленту заката, в полный голос, уверенная, что ее никто не слышит, – запела.

Слова ее песни были наивны. Но они так искусно вплетались в мелодию, что песня трепещущая над морем, представлялась живым существом с кровоточащим сердцем. А сердце то принадлежало земляночке. Воспроизведи ту песню кто другой – без той тяжести на душе и без того голоса – промелькнула бы она серой уточкой над серой волной. И кто бы ее заметил? И кого бы она тронула?..

Глаза Камеи налились слезами. Они с изумлением смотрели на Пытливого: «Как ты здесь оказался?» – и с невыразимой нежностью – «Как вовремя ты появился. Я думала о тебе...»

Отягощенная странными думами, упала на грудь Дремина голова. Пытливому же после этой волшебной песни, вида растроганной Камеи и впавшего в меланхолию Дремы – стало не по себе. Он подошел к Камее и, бережно взяв в ладони ее лицо, поцеловал. «Какая к черту после такой песни сдержанность,» – сказал он самому себе, а вслух произнес:

– Она – чародейка!

В ответ, словно боясь кого испугнуть, она прошептала:

– Я потрясена! Какой голосище! Таких даже у нас, в Великом Кругу Миров, раз-два и обчелся.

– Диапазон ее тембра аномален, – отозвался Дрема. – От колоратуры до баритона. Вы обратили внимание, как опустила она голос, когда выпевала о злом шквале и о морском Боге, что пригнал к их берегам суда с разбойниками?..

– Всевышний вложил в нее чудо, – прошептала Каменя.

– Наверное не только в нее... – сказал Пытливый.

– Что ты хочешь этим сказать? – вскинулся Дрема.

– Неужели непонятно? Всмотрись да вслушайся. Кругом – люди. Человечество! А хор-то – волчий. Grimасы-то звериные. В этом бедламе сказочного голоса земляночки нашей ты не расслышишь. Светлого личика ее – не разглядишь. В массе, люди с заложенным в них чудом – не видны. Все на одно лицо. Их не слышат. Главное, не хотят слышать. И не хотят видеть. А если заметят – заклюют, засмеют, уничтожат. В лучшем случае станут держать за юродивого.

– Кто с тобой спорит, Пытливый? – снисходительно роняет Дрема. – Поэтому мы и здесь. Триумвират напортачил с ними и негатив взял верх.

– Напортачил?! – взвился Пытливый. – Ой ли!

– Конечно! Стал бы Всевышний ни за понюх табаку гнать нас сюда!

– Триумвират Мастеров, – угрюмо сказал Пытливый, – не дурнее нас всех пятидесяти вместе взятых. Они, наверное, сто раз все выверили.

– Ну кто говорит, что они дурнее? – насупился Дрема. – Просто им здесь все примелькалось. Уж сколько лет перед ними одно и то же. А мы – новые глаза. В этом наше преимущество.

– Разве только, – пробормотал Пытливый.

– Да хватит вам, ребята! – вмешалась Каменя. – Надискутируемся еще. Кстати, когда мы должны быть у Мастеров?

– Ровно через четверть часа, – сказал Дрема.

– Я знаю одно, – глухо проговорил Пытливый. – Душа моя потрясена. Мне хочется встать на колени перед Всевышним...

– Я хотела только сказать, – тихо проговорила Каменя, – что Человечество Земли спасет женщина. Ее любовь, теплота, верность... Она усмирит зло в человеке.

– Да, да, – не без пафоса подхватил Дрема. – Искусство! Поэзия, музыка, живопись... Всепожирающая страсть творить. В этом направлении надо работать. Тогда позитив удавит зверя в человеке.

Пытливый ничего не ответил. Он предпочел отмолчаться. У него уже что-то зарождалось. Именно что-то. Потому что он его никак не мог сформулировать.

Дреме и Камее в этом плане легче. Они уже определили себе направление работы. У него же только-только мелькнула идея и тут же пропала. Исчезла из умозрения. Но не из ума. Теперь он не успокоится. Это будет его мучить. До тех пор пока она опять не вспыхнет в его мозгу.

Пытливый лихорадочно и тщетно рылся в себе. Нет, ничего такого, что можно было бы назвать догадкой и взволновать его, он не находил. И ему ничего не оставалось, как состояние своего беспокойства отнести к тому, за чем он, не прекращая своего общения с друзьями, наблюдал.

4. Кара

Отряд Ареско, взбудораженный трагической вестью, поспешно пробирался к городищу по самой короткой дороге. Шли по звериным тропам. То спешившись, прокладывая топорами и ножами себе путь в сплошной стене колючих зарослей, то, нещадно погоняя коней, мчались во весь опор на небольших равнинных пространствах.

К еще дымящемуся своему поселению они подошли где-то к полудню. Завидев разоренные жилища, всадники, не помня себя, ринулись к ним. Каждый хотел как можно скорей оказаться у своего очага. Но властный голос вождя заставил воинов натянуть поводья. Их предводитель, несмотря на молодость, был суров и лют. Ослушания – не терпел. Сородичи боялись его горячего и скорого суда.

Ареско сидел на коне мрачным каменным идиолом. Он не сдвинулся с места, пока все воины отряда не обступили его. Речь произнес негромко, отрывисто и ясно.

– Мы должны отомстить. Времени мало. Мертвых предать земле. Постарайтесь поесть и поспать. Выступим до захода солнца. Сбор – здесь. Все! По домам!

... Мужчины плакали, как дети. Слышать их было тягостно. И до тошноты невыносимо было смотреть на обезображенные и обугленные трупы людей. Пытливый перевел взгляд на подворье Ареско. Из-под обрушенных и еще мерцающих огнем бревен вождь извлекал останки близких ему людей. Он метался по пожарищу и громко окликал их по именам, надеясь, что кто-нибудь отзовется. Жена его, прижав к себе спящего мальчонку, опустошенно и надрывно выла. Как волчица. Жутко. По-сумасшедшему...

Убийцы тем временем уходили все дальше и дальше. Отягощенные добычей, они продвигались медленно. Их задерживало тучное стадо угнанного скота и валившаяся от усталости и голода добрая сотня пленников.

Поджидая погоняемых животных и людей, они часто устраивали привалы. Обжирались жареным на кострах свежим мясом и до одури напивались чего-то хмельного. Потом трапеза продолжалась теми, кто сопровождал пленных. А те, что были сыты и пьяны, набрасывались на женщин, насилуя их на глазах у всех.

Засыпали где попадая. Так же и испражнялись. В открытую. Нисколько не стеснясь. Охранения не выставляли. Они не боялись скорого возмездия. Знали, Ареско со своим воинством ушел воевать с другим племенем. Вернется не скоро.

Но как бы медленно они ни шли, воинам Ареско их было не догнать. Пытливый хорошо это видел. И жалел об этом. Он ненавидел этот чавкающий и пьяный сброд, причислявший себя к человеческому роду. И Пытливый решил наказать их сам. На последнем привале.

Горилла остановил свою узколобую ораву у подножия пологой горы, когда сгушались сумерки.

– Запалить костры! – приказал он. – Заночуем. Завтра снимемся пораньше, чтобы засветло прийти домой. Пойдем без отдыха... Еду и женщину притащите мне вон под ту скалу, – Горилла показал на склон горы.

До родного стойбища им оставалось почти ничего. Перевалить холм и, считай, они дома.

«Но сначала надо прожить ночь», – не по-доброму улыбнулся Пытливый. И тотчас же принялся за дело.

Не знал вождь грабителей, что до гибели его самого и отряда, возглавляемого им, осталось тоже почти ничего. Откуда было знать ему, что он укладывает своих сотоварищей на ложе смерти. Это знал Пытливый.

Информация о том, что представляла из себя та гора, была у него перед глазами. Начиная с поверхности ее и в глубину метров на двести лежали пласты магнитной железной руды. Месторождение пролегалo по довольно широкому ущелью, а шло оно из нутра безлесых каме-

нистых холмов. Даже высоко торчащие скалы на склоне горы, под которыми по примеру вождя расположились грабители, представляли из себя сплошной железняк.

Пытливый решил проверить задуманное до подхода обоза с пленными...

Нагнать сюда грозовые облака не представляло для него никакой трудности. Очень скоро бивак пирствующих воинов накрыла обложная тяжелая туча. В ее колышущемся дряблом чреве из одного конца в другой пустой металлической бочкой прокатился гром. От дребезжащего грохота заложило уши. За горой взблестнула первая молния. За ней, белым лезвием гигантского клинка вспорола брюхо обрызганной грозы – вторая. Уже ближе. Хлынул ливень.

И началось светопреставление. Протуберанцы, прошивающие огнем небо и землю, как пьяные забулдыги в кабаке, устроили групповую пляску. Плясали самозабвенно, неистово, дико. Электрические разряды молотами били в скалы. И непонятно было, что несло людям смерть. То ли скалы, по которым от каждого удара протуберанца пробегала некая чудовищная сила, превращающая человека в изваяние из угля. То ли эти, летящие во все стороны, и выламывающие глаза охапки цветов – ослепительно синих, зеленых и оранжевых искр. Они сыпались на спины выбегающих из укрытий, обуянных ужасом воинов и насквозь прожигали их.

Гроза продолжалась недолго. Зато долго лил дождь. Проливной. По склону, в ущелье, увлекая за собой погибших в электрическом аде людей, обрушился сель. Ущелье превратилось в озеро...

К рассвету от этого озера остались зловеще поблескивающие осколки луж. Они вроде старческих глаз, затянувшихся бельмами, по-мертвому смотрели на занимающийся день и на оставшихся по чистой случайности живых людей. Случайность эта была не случайной. Ее устроил Пытливый. Остались в живых те, кто сопровождал уворованное чужое добро и людей.

– Боги!.. Боги наказали их!.. – шептались пленники.

Их сторожа вытаскивали из топкой грязи и из-под неподъемных камней трупы своих сородичей. Предводителя своего они нашли у подножия горы. Синий до черноты он лежал в вымоине под придавившим его железняком и был скукожен, вроде эмбриона в чреве матери...

А спустя два дня в объятые горем стойбище ворвались одержимые мстостью всадники Ареско. Перед набегом, собрав вокруг себя пращников, лучников и копыеносцев, он твердо сказал: – Никого не жалеть. Все сравнять с землей.

От того, что сделали воины Ареско, у Пытливого встали волосы дыбом. Ареско с опьяненными от крови воинами и богатой добычей возвращался к себе в городище мимо той же самой горы, названной «Гневом Богов».

«Они такие же звери», – с дрожью в голосе шептал Пытливый.

Он теперь ненавидел Ареско.

Глава вторая

1. Триумвират мастеров

– А стоит ли, Пытливый? – прервав вдруг беседу с одним из слушателей, спросил его мастер Верный.

Пытливый опешил. Значит, Верный все видел и все знает.

– Наверное, не стоит, – до ушей покрывшись прилившей к лицу кровью, согласился он.

– Правильное решение. Иначе из исследователя ты запросто превратишься в мясника.

– Я чувствую себя убийцей, Мастер. Да что значит, чувствую...

– Не кори себя, – остановил его Верный. – Только ответ ты действовал по версии или спонтанно?

– Не знаю. Признаться, одна мысль было появилась, но я, к сожалению, ее тут же потерял. Однако она, я точно знаю, не имела к моим действиям никакого отношения. Просто мне подумалось, что если те, кто убивал, тоже ощутят физическую боль и горе от потери близких, то впредь они не станут так поступать. Станут лучше, чем были...

– Пробовали! – перебил его Верный. – То есть на первых порах мы предпринимали такую попытку. Они становятся хуже... Нам надо было вас предупредить.

– Да, – наученный горьким опытом соглашается Пытливый. – Как ни банально это звучит, но зло порождает зло. Ненависть становится обвальная. Так они и перебить друг друга могут.

– В том-то вся и заковыка. Казалось бы, едва вылупились. Только вышли из-под тепличной оболочки и тотчас же принялись рубить себя под корень.

– Процесс самоуничтожения? – спросил Пытливый.

Мастер пожал плечами.

– Не думаю.

– Может, для приобретения позитивных качеств это естественный ход развития? – предположил слушатель.

Спросил и поймал себя на том, что говорит словами из учебника. Это ему не понравилось. Оно могло не понравиться и Верному. Мол, прилежный школяр зазубрил азбучные истины и шпарит их себе с умным видом. Хоть придумал бы что-нибудь свое.

Успокаивало лишь то, что эта учебная монография под названием «Возникновение и развитие жизни» представляла из себя сорок увесистых томов из ста восьмидесяти книг. Кроме того, на факультете «Программирование жизни», который некогда заканчивал Верный, он изучался в неполном объеме. Во всяком случае, раздел «Иллюзорность бесконечности», где излагалась та истина, что он вложил в вопрос, Мастер изучал в усеченном виде. А вот он, Пытливый, по этому разделу сдавал экзамен. И многое еще было свежо в памяти.

А память у него была отменная. Прямо-таки фотографическая. И он мысленно и с большим тщанием листал страницы пособия, чтобы отыскать строчки, которые были бы сейчас кстати. И нашел. Это был целый абзац из Введения, предваряющего раздел «Иллюзорность бесконечности».

«... Миры – живой организм. Равно, как и существа, населяющие их. Особенно мыслящие.

Нам хорошо известна зависимость последних от среды Пространства-Времени, то есть от миров, в которые они помещены, а также взаимовлияние одного на другое. (Это подробно рассматривалось в третьей книге „Вопросы вечности миров и разума“.) И подходя к изучению бесконечности мироздания, рекомендуется исходить именно из этого фактора. Ибо, как любому организму, Мирам свойственны естественные „начало“ и „конец“.

Они развиваются, совершенствуются и имеют способность к самосовершенствованию. Им присущ процесс деградации, так называемого, старения, и всевозможных патологий, выражающихся в катаклизмах, которые, как мы далее убедимся, вполне диагностируемы, а стало быть, управляемы...

Повторимся: распад Мира более сложен, нежели прекращение жизнедеятельности любой живой особи вообще и разумной в частности. Для последних акт кончины тот же катаклизм. Микрокатастрофа... Однако между этими двумя явлениями „конца“ существует одна общая особенность. И разумная особь, и живая конструкция Мира содержат в себе механизм самоуничтожения. В обоих случаях процессы, возбуждающие этот механизм, как правило, подконтрольны, так как признаки их протекают отнюдь не скрытно и катализаторы в подавляющем большинстве своем узнаваемы...»

Напряжение, с каким Пытливый вспоминал этот текст, не прошло незамеченным.

– У тебя такой вид, – пристально всматриваясь в него, засмеялся Верный, – словно ты в каменоломне рубишь гранит.

– Так оно и есть, – согласился Пытливый.

– Дерзай, – поощрил Мастер.

Пытливый замолчал, а потом, вероятно, покопавшись в своей «каменоломне», спросил:

– Мастер Верный, скажите, пожалуйста, а как они ведут себя на Промежуточных? Вы наверняка проверяли это.

Верный покачал головой.

– Ты забросал меня своими «камушками». Все вы любознательны, и я боюсь, ваша практика пройдет под знаком викторины. Поэтому мы сделаем так. Разрешим вам пользоваться видеозаписями всего того, что мы делали, что предпринимали, какие аспекты рассматривали, какие проводили эксперименты и так далее. Если что упустили или недосмотрели – подскажите.

Мастер на какое-то мгновение умолк, а затем не без лукавинки добавил:

– Подскажете в виде «камушков». То бишь, вопросиков... Но мы надеемся, вы все-таки сможете разглядеть и, если не назвать, то, во всяком случае, намекнуть на причину происходящего с людьми... Искренне надеемся.

Пытливый развел руками и, отыскав глазами Камею, направился к ней. Она сидела на пенечке, и, как ни странно, одна. Обычно Дрема такие оказии не упускал. Стоило Пытливому замешкаться, как Дрема оказывался тут как тут. Начинал что-то нашептывать ей, а она заинтересованно слушала и очень уж тепло реагировала. Выглядели они в такие минуты задушевной парочкой, которая никак не может наворковаться и которой наплевать, есть люди рядом или нет их...

Так, наверное, казалось только ему, Пытливому. Скорее всего от ревности. Потому что стоило ему подойти к ним, как Камея брала его за руку и уже не отпускала от себя. И она не требовала от Пытливого занимать ее разговорами. Им и без них было хорошо.

А тут она одна. Дрема, правда, находился неподалеку. Всего в нескольких шагах. Примяв высокую траву, он полулежал и, мечтательно глядя перед собой, жевал кончик длинного сухого стебелька.

Отрешенные от сего мира глаза его были полны сострадания к кому-то. Они, вероятно, видели чью-то боль. Она жалила ему сердце. Он чуть не плакал. Но это было не насилие кого-то над кем-то. Это было что-то другое. Что-то личное. И Пытливому страсть как захотелось подсмотреть. Сделать это, имея нимб, не представляло труда. Потом он, правда, клял себя за столь низкое вероломство. Но то – потом.

А в тот момент, ничтоже сумняшеся, бесцеремонно, легким давлением мысли он вторгся в Дремин мир. И тотчас же увидел его печаль. Ею была земляночка. Певунья. Она сидела на

пороге своей хибарки и неотрывно, с раздирающей душу тоской, смотрела в звездное небо. И на громадный шар яркой луны. А на луне, как в тигле, золотом восторга плавилась Дремина глаза. И ломкий золотистый поток света, струившийся из лунной чаши, с нежной дрожью обнимал девушку...

То была Дремина любовь. Она была сильнее его любви к Камее.

Пытливый поспешно, словно отпрянув от замочной скважины, отключился от Дремино-го поля. Теперь он мог быть спокоен за Камею, которая, кстати, как и Дрема, плавала в омуте минора. Ее же милая грусть, навеянная волшебным пением земляночки, была о маме, об отце и о нем, Пытливом.

Но больше всего Пытливого удивило то, что все пятьдесят практикантов, возлежащих на лугу, тоже пребывали в непривычной для них прострации. Каждый окунулся в самого себя. Казалось даже, что они забыли, почему собрались здесь. Что Мастерам от них надо? А ведь сегодня истекла неделя, которую им дали, чтобы осмотреться. Так сказать, адаптироваться. Наверняка шарик этот они облазили вдоль и поперек. Насмотрелись – по уши. И впечатлений у каждого должно быть пруд-пруди, а они вялы. Рассеяны. Конечно, переговариваются между собой, но без обычной живости. Так. Лишь бы что-то сказать и для отвязки среагировать.

Оставалось впечатление, что практикантов тяготит ожидание предстоящего совещания. Его же не начинали по причине отсутствия одного из Мастеров – Кроткого. Шеф триумвирата мастеров – Озаренный и Верный прибыли сюда загодя. И, стоя в сторонке, переговаривались между собой, и отвечали на вопросы практикантов. Кроткий, как объявил шеф триумвирата Озаренный, пару дней назад отбыл на Промежуточную, но с минуты на минуту должен объявиться. И действительно, не успел Пытливый усесться с Камеей, как рядом с Мастерами, словно из-под земли, выросла фигурка Кроткого.

– Здравствуйте! Прошу извинить за опоздание, – сказал он, и, виновато улыбаясь, добавил:

– Путь мой был не близок.

– Все в порядке? – с участием спросил Верный. Кроткий кивнул.

– Ну что?! Начнем? – спросил у Мастеров Озаренный и, получив их одобрение, вышел вперед.

– Дорогие наши коллеги, – начал он, – минула неделя, как вы прибыли сюда. В самую нижнюю точку шестого Луча Великого Круга Миров. Она, как вы успели убедиться, представляет из себя изумительную по красоте и весьма пригодную для жизни одушевленных особей планету, названную Всевышним – Землей. Вы, безусловно, обратили внимание на разницу во времени. На ВКМ, то есть в Великом Круге Миров, и здесь, на Земле. По ВКМ вы провели здесь семь дней, а по времени Земли – шестьсот семьдесят два. Время для адаптации вполне достаточное. Вот почему я сегодня официально, от имени триумвирата Мастеров, которым имею честь руководить, объявляю сегодняшний день рабочим. За двадцать два с небольшим земных месяца вы успели поэкспериментировать. Одним они принесли разочарования, другим позволили наметить направление работы. Не правда ли, Камея?

Вопрос застал девушку врасплох. Она смутилась и, не выпуская руки Пытливого, сказала:

– У меня пока версия, Мастер. Я ее еще не могу четко сформулировать.

– Сформулируешь, – ободрил он ее.

Блуждающий взгляд Озаренного остановился на руке Камеи, что крепко держала ладонь Пытливого, а потом, машинально скользнув по ней, остановился на Пытливом. Остановился и застыл. Именно застыл. Что-то в нем его удивило. Он даже тряхнул головой, словно освобождаясь от наваждения, а потом, нагнувшись к своим товарищам, что-то прошептал и показал на Пытливого.

Это донельзя обескуражило практиканта. Он посмотрел на себя со стороны. Благо дело это он мог. С одеждой все в порядке. В наружности – ни царапинки. Но каждый из Мастеров

с изучающим интересом то и дело бросал на него свои взгляды. Потом, видимо, они потеряли к нему интерес. Во всяком случае, в открытую его не выказывали...

«Померещилось», – решил Пытливый и перестал наблюдать за ними.

Между тем Озаренный продолжал свою речь.

– ...Красавица наша, – говорил он о Земле, – создана вопреки классической теории о генезисе планет. Она сложена сплошь из парадоксов. И благодаря им цветет и здравствует. Без них не было бы шестого Луча в ВКМ и шестой планеты Детства человечества. Впрочем, вы это знаете из учебников. Знаете также, сколько было скептиков, не верящих в успех нашего дела. Но, слава Богу, мы создали шестой Луч. Благодаря ему нам удалось на треть сократить срок пребывания душ разумных особей в состоянии летаргии в периоды перехода из одной Вселенной в другую.

Сейчас, когда в печать просочилась информация по поводу возникших здесь проблем, скептики вновь подняли головы. Они говорят, что предупреждали Резиденцию о неминуемых и непоправимых осложнениях, о бесперспективности и ненужности в системе мироздания еще одного Луча кругооборота жизни...

2. Перл борзописца

От страстной речи Озаренного Пытливый отвлек характерный звук, напоминавший шелест бумаги. Он шел снизу от примостившегося у самых его ног слушателя Ретивого. Не столько из любопытства, сколько для того, чтобы приподняться и переменить позу, Пытливый ненароком заглянул через плечо своего однокашника. И в таком неудобном положении замер. Ретивый держал в руках сегодняшний номер газеты «Канун». Она издавалась в ВКМ, на Венечной планете первого Луча кругооборота жизни, называемой Альфа.

С луча Альфы начиналась система ВКМ. Это потом уже создавались остальные четыре Луча. И родившиеся на Альфе были полны необоснованных амбиций, Они, эти их амбиции, находились под постоянным обстрелом завязтых насмешников. По мирам ходило уйма анекдотов по этому поводу. Поговаривали, что многие из них сочиняли сами альфийцы.

Но, что бы там о них ни судачили, их «Канун» в мирах планет Зрелости человечества пользовался большим авторитетом. На то или иное событие он реагировал не совсем обычно. Все пропускал через пресс критического анализа. Как-то их Главный редактор заявил: «Мои ребята не верят никому и ничему. Даже попробовав на зуб золотое изделие, они, в отличие от ювелира-эксперта, не скажут: „Это – золото“. Они скажут: „Это желтый металл со многими признаками золота“. Их высокий профессионализм во всех областях жизни дает им такое право».

Что правда то правда, публикации «Кануна» носили полемический характер. Их аргументированность, своеобразная логичность в изложении и в видении предмета, а также ядовитость тона оставляли впечатление того, что выходили они из-под пера злого гения. Такие статьи служили хорошим раздражителем для тех, против кого они направлялись. У оппонента возникало яростное желание в пух и в прах разгромить гения от газеты. Припереть к стенке. Но припереть делом да фактом, а не изощренными методами литературных пассажей. Кое-кому такое удавалось. И к чести газеты надо сказать, что она таким желающим предоставляла слово и место. Более того, из полученной статьи не вымарывала ни одной строчки, как бы больно они для журналистов ни звучали. Правда, у авторов опровержений хватало такта не переходить рубежей.

По всей видимости Озаренный читал последний «Канун». И прочитанное задело его за живое. Потому что свое выступление он закончил с явным намеком на это.

– ... Наша задача, коллеги, – Озаренный возвысил голос, – развенчать умников, не верящих в наше дело. Думаю, что совместными усилиями нам удастся найти причину того, что перевозбудило в Человечестве механизм, работающий на самоуничтожение. Такова наша задача. Решим ее – значит, снова посраим псевдомудрецов. Полагаю... Нет, уверен, мы одолеем эту заковыристую шараду... Чтобы вам не пришлось проводить напрасную работу, триумvirат решил предоставить в ваше распоряжение видеозаписи всего, что мы делали после того момента, когда Человечество вышло из-под тепличного колпака в лоно естественной среды Земли. Это вам поможет...

Дальше Пытливый не слушал. Его как магнитом затянуло в себя газетное чтиво. В анонсе – «Читайте в номере» – стреляли в глаза набранные жирным курсивом две строки: «Вектор – на фиаско! На Шестой серьезные проблемы...» А на самой середине листа размашисто, шрифтом «лягушка», набран заголовок: «На задворках, как... на задворках».

«Предлагаем вашему вниманию, – читал Пытливый, – репортаж сотрудника газеты, вернувшегося вчера из командировки на Голубую планету, широко известную под названием Земля. Она является колыбелью разумной особи созданного на ВКМ шестого Луча кругооборота жизни. Командировка в столь неблизкие места была вызвана тревожной информацией, приватно поступившей из Резиденции Всевышнего.

Суть ее заключалась в следующем. Несмотря на то, что на всем протяжении шестого Луча уже созданы планеты Промежуточные, в просторечии – Молодости и Венечности, известные нам как планеты Зрелости Человечества, они заселяются в основном одухотворенными душами других пяти Лучей.

Процент поступления душ землян весьма и весьма низок. Этот факт, как сообщил редакции компетентный источник, пожелавший остаться неизвестным, свидетельствует о неблагополучии в Колыбели и вызывает серьезное беспокойство в Резиденции. И днями ожидается решение об отправке на Землю чрезвычайной экспедиции, которая будет укомплектована пятьюдесятью выпускниками Высшей Школы Удостоенных.»

Это был редакционный взрез к репортажу. Пытливый ничего нового в нем не почерпнул. Но он представил себе массу обывателей, для которых такое сообщение звучало, как гром в ясный день. Ведь их предки, ушедшие в Кругооборот, могут зачатся в колыбели шестого Луча. А там будет им плохо. Да и сами они не сегодня так завтра отправятся в тот же путь. И никто не застрахован от шестого Луча. Никто не даст гарантии, что они не окажутся на Земле. Уходить из рая Венечной – туда?.. Боже упаси! И первое, что приходит им на ум, так это отправить в канцелярию Всевышнего запрос. Пытливый представил себе лавину писем, что обрушатся на Резиденцию. Он покачал головой и принялся за репортаж.

«...И вот я на задворках миров, – писал журналист. – На начальной ступени шестого Луча. В колыбели человека планеты Земля. Наружность Хомо Сапиенса благообразна. Справедливости ради скажу: земляне симпатичны. Соблюдены пропорции и симметрия. Функционально они в достаточной мере целесообразны, а в глазах можно обнаружить следы разума. Их, впрочем, не без труда обнаружишь и в глазах собак. Я безусловно далек от мысли отождествлять разум этих милых созданий.

Однако подобная параллель возникла у меня невольно. Из анализа поведения тех и других...

...В отношении землян в глаза прежде всего бросается зависть, подлость и лютая друг к другу злоба. Разумность этих милых тварей или, если хотите, степень их интеллекта, как правило, проявляется в изощренности и изобретательности того, как прикончить себе подобного, обмануть его, затоптать. Во всем виден страшный оскал насилия. Морда войны. И в племенах близких друг к другу людей, и между племенами. За четверо суток по ВКМ /384 земных дня/ я был свидетелем 274 кровавых схваток. То есть, на одни земные сутки, равные нашим пятнадцати минутам, приходилось свыше семидесяти побоищ, которые унесли жизни десятков тысяч человек. Излишне, наверное, говорить читателю, что это были преждевременные и мучительные смерти.

Гибли молодые и дети... Я не упоминаю о жертвах на почве корысти, зависти, коварства и иных бытовых стычек.

Расскажу о двух, наиболее потрясших меня баталиях...»

Пытливый судорожно сглотнул. Нет, журналист не привирал. Его статистика не плод досуговой фантазии. Картина на самом деле именно такова.

Пытливый не стал вдаваться в живописания кровавых баталий. Он вдоволь насмотрелся на них. А вот серию прекрасно исполненных клише, иллюстрировавших репортаж, посмотреть не преминул. Разглядывал внимательно. Вырванные из самого пекла свалок и разнузданных разбоев, они говорили о землянах сильнее и поубедительнее слов. Репортер снимал так, словно смотрел на все глазами Пытливого.

Это были нелюди. Вот один из них слизывает с руки кровь убитого им младенца...

Пытливый отводит глаза и, пропустив большой кусок текста с описанием убийств, продолжает читать дальше.

«...Я обращаюсь к сопровождающему меня одному из членов Триумvirата, – писал далее журналист, – имя которого, пожалуй, известно каждому живущему на Венечных планетах ВКМ. Это Мастер Верный. Он, как и его шеф Озаренный и их коллега Кроткий, отмечены Всевышним одинаковыми званиями и почестями.

– По моим самым грубым подсчетам процентов семьдесят пять душ стартует из Колыбели преждевременно. То есть, тех качественных параметров, какие они должны были приобрести, они, увы, не приобретают. Поэтому, Мастер Верный, хотелось бы от вас получить ответы на несколько вопросов, которые интересуют нашего читателя...

Не вызовет ли такой мощный поток поступления нерафинированных душ на Промежуточные планеты шестого Луча эпидемий аморального характера, которых там и так хватает?

– Ваши опасения понятны. И подсчеты точны. Именно исходя из этого, мы предприняли ряд мер. По требованию Триумvirата изготовлены и предоставлены в наше распоряжение дополнительное количество аппаратов контроля и возврата в Колыбель душ, не отвечающих необходимым параметрам. Они установлены на всем пути следования к Промежуточной... Со всей ответственностью могу заверить вас, читателей „Кануна“, а также все население Венечных планет, что аппараты надежны, мощны и находятся под неусыпным наблюдением высококвалифицированного персонала. Так что бояться эпидемий на Промежуточной не следует.

– Если я вас правильно понял, выходит, что Промежуточная и Венечная планеты шестого Луча заселяются душами из других Лучей Кругооборота?

– Так оно и есть. Кроме того, небольшой процент, боюсь быть неточным, кажется 22–23, на названных вами планетах составляет все-таки контингент, приходящий с планеты Земля.

– Не приведет ли это к перенаселению, что, как вам известно, чревато сокращением срока пребывания Хомо Сапиенса у родного очага?

– На то наша группа и создавала шестой Луч Кругооборота жизни, чтобы сократить срок. Но не тот, что вы имеете в виду. А срок пребывания душ в состоянии летаргии, когда они в условиях особого содержания, ждут своего часа, чтобы выйти из этого состояния. Чтобы явиться в тот или иной мир того или иного Луча и... жить. И ждут они своей очереди подолгу. И ждут по одной причине. По причине безопасности – как бы не перенаселить ту или иную планету.

– Мастер Верный, обвальное самоистребление, происходящее у нас на глазах, красноречивее слов свидетельствует об обреченности привнесенного сюда человечества. Непредвиденной обреченности... Не склонны ли вы в связи с этим полагать, что наблюдаемый нами безрадостный процесс – результат изначальной ошибки – в неправильном выборе места устройства Земли?

– Позвольте напомнить вам истины, которые, очевидно, вы не принимаете в расчет. В развитии человечества, равно как и звездных систем, заложен процесс и самоуничтожения. Науке известны случаи, когда в так называемых Колыбельных и Промежуточных планетах срабатывал механизм самоуничтожения. Но это был результат естественного развития. Иссякали ресурсы ископаемых и атмосферы, одряхлевали защитные функции природы, скудела почва, учащались периоды войн... Резиденция готова была к этому. Если вы помните из истории, то и альфийцев, и жителей других Начальных и Промежуточных планет остальных трех Лучей Кругооборота жизни мы переправляли в заранее подготовленные для них места. Сейчас, например, Резиденция ведет интенсивную работу по эвакуации населения, проживающего на Колыбельной планете пятого Луча...

А здесь, на Земле, мы оказались в условиях, так сказать, нештатной ситуации. Почему она возникла, надо разобраться. Мы ищем причину. Вместе с тем я твердо могу сказать, она никакого отношения к якобы неправильному выбору места для устройства Земли – не имеет. Поверьте мне на слово. Земля надежней всех Начальных, находящихся на остальных пяти

давно действующих Лучах. Мы что-то не учли или не приняли во внимание. Оно-то и давит на психику землян и вызывает в них нежелательные реакции.

Так что будем искать. И будьте уверены – найдем. И поправим.

– Мастер Верный, если не возражаете, последний вопрос. Он может показаться некорректным. Наш читатель, как вы знаете, взыскательный... У него тоже может возникнуть такая мысль...

Вскоре после открытия охранного колпака, под которым в телах Хомо Сапиенса Земли адаптировались привнесенные души, Всевышний отстранил от работ вашего бывшего шефа Строптивного. Возможно, что возникшая ныне ситуация была той самой причиной, по которой убрали Строптивного?

Кроме того, предчувствуя отставку, Строптивный, досконально разбиравшийся в механизме программы землян, с целью будущего своего возвращения под крылышко Всевышнего, мог изменить в нем кое-что. И сейчас вот только аукается.

– Не скрою, вопрос ваш и прямо-таки дикое предположение для меня крайне неприятны... Однако без ответа я вас не оставлю.

Идею, подчеркиваю, идею о переделке пятиконечной системы ВКМ в шестиконечную впервые высказал наш коллега Кроткий. Авторами же создания всего того, что вы видите, – прекрасной планеты, изумительной природы с богатейшей фауной и флорой, и симпатичных двуногих разумных особей – были мы четверо. Душой же всего дела был наш шеф Строптивный. Львиная часть всего делалась именно им. Разумеется, под ненавязчивым, но постоянным патронажем Всевышнего.

Пока мы здесь занимались делом, „Канун“, если вы помните, как провинившийся мальчик, склонил голову перед всем тем, что вы видите и что считал неосуществимым. Насколько я помню, Строптивный, после окончания работ, поместил на страницах вашей газеты статью, в которой весьма тактично отхлестал ваш вечно сомневающийся журналистский корпус. Не так ли?..

Что касается подозреваемого вредительства со стороны Строптивного... Это, скажу я вам, равносильно тому, что вы каждому из нас троих – Озаренному, Кроткому и мне – дали пощечину. Запомните, Строптивный был гордой и сильной личностью. И Всевышним он почитался как старший сын...

...С этого момента Мастер Верный отказался сопровождать меня. Но от этого на задворках шестой лучше не стало. Покидая Колыбель землян, я продолжал видеть все ту же неприглядную картину – люди захлебывались в насилии, крови и ненависти – какая, впрочем, и подобает задворкам.»

3. Инженер Строптивный

Пытливый перевел незаметно для него учатившееся дыхание. Словно его прилюдно истязали, а он задыхался от вопиющей несправедливости и обиды. Каждая строчка этого начиненного ядом репортажа была хлестко, больно. Хотя к нему лично этот материал никакого отношения не имел. Пытливый представил себе, как эта публикация могла ранить Мастеров. Он поцыкал и снова уселся на пенек рядом с Камеей. А пенек был пуст. Пытливый не заметил, когда она успела покинуть его.

– Ты что не слышал? – толкнул в плечо Дрема.

– Что не слышал?

– Мы, я, ты и еще тринадцать практикантов, будем работать под патронажем Озаренного. Пошли на инструктаж. Позвали.

Камея стояла в группе ребят, обступивших Верного. «Значит, нас разлучили», – вяло подумал он и поплелся вслед за Дремой.

Озаренный что-то говорил, но до него ничего не доходило. Пытливый все еще находился под впечатлением репортажа. Борзописец, конечно, написал зло. И, как ни крути, во многом был прав. Но передергивал. Без этого они не могут. И очень уж напирал на Строптивного. Хотя, насколько Пытливый помнил, в «Истории создания Шестой», роль Строптивного нисколько не умалялась. В ней, в частности, писалось буквально следующее:

«Существующая пятиконечная система Кругооборота жизни требовала коренной перестройки. Она работала с перегрузкой. Увеличение численности душ сокращало пребывание их на Венечных планетах ВКМ и негативно сказывалось на тех, кому подолгу приходилось задерживаться в переходных шлюзах, ведущих из одного мира в другой. Заложенные в них программы устаревали...

...Проект шестиконечной системы предложила группа молодых ученых – специалистов. Среди них: инженер по созданию материи и планет Строптивный, специалист по генетике микромиров Озаренный, специалист по Пространству-Времени Верный и биоинженер по всем видам биоформ Кроткий...

...Проект вынесли на обсуждение к Всевышнему, в Совет Избранных. Защищал его Строптивный...

Вызывал сомнение выбор района прохождения Луча от Начальной до Венечной. Место, по мнению большинства Избранных, было выбрано неудачно. В службе ВКМ этот район значился как один из коридоров, куда сбрасывался строительный мусор. Кроме того, по имеющимся сведениям, там отсутствовали элементарные условия для создания атмосферы, которая бы обеспечивала жизнедеятельность планеты, функционирование ее живой природы.

... С неожиданной легкостью Строптивный опроверг возражения о невозможности создания необходимой атмосферы. Он представил чертежи и схему, повергшую Избранных в изумление своей простотой и оригинальностью. Решение было на редкость остроумным и вполне реальным для осуществления...

...После устройства Солнечной системы Всевышний вместе с авторами дерзкого проекта, в течение шести дней по ВКМ создали на Шестой все то, что мы называем планета Земля...

...Спустя несколько лет после заселения Земли Строптивный по решению Совета Избранных за поведение, не отвечающее нормам морали ВКМ, был отстранен от работы на Шестой...»

Никаких объяснений не давалось. И что он там такое натворил, не говорилось. В научных кругах ходил слух, что Строптивного отправили на Альфу, где он возглавил Службы Всевышнего, а вскоре будто бы ушел в Кругооборот. Насколько этот слух соответствовал действительности, Пытливый не знал. Но знал твердо – такой человек напортить делу не мог. Репортер домысливал...

– Вы где, Пытливый?! – вернул его в реальность строгий голос Озаренного.

– Здесь, – промямлил слушатель.

– Наденьте нимб! – приказал Мастер. – Я говорю на волне, не подвластной слуху землян.

Действительно, свой одноярусный нимб, как ни странно, он держал в руках. Когда он его снял, Пытливый не помнил. Нахлобучив его, он тут же услышал голос Патрона:

– ... без моего разрешения никаких экспериментов. Каждую возникшую версию, если она требует проверки, по возможности согласуйте со мной. В мое отсутствие подходите к любому из членов Триумвирата... У меня все. Желаю удачи.

Пытливый посмотрел на часы. Совещание длилось недолго – шесть дивных летних земных ночей и столько же рассветов. А дома, по ВКМ, прошло всего-навсего полтора часа. Пытливого всегда удивляла разница во времени, а тут она была прямо-таки фантастической.

«Потрясающе», – сказал он себе и направился к Камее, чтобы вместе, где-нибудь в укромном уголке посмотреть видеозаписи триумвирата. Но не успел он сделать и трех шагов, как его остановил окрик Озаренного.

– Коллега Пытливый, не могли бы вы уделить нам пару минут?

«С чего бы?» – подумал практикант и решил, что из-за художеств с Ареско.

– Сейчас, – отозвался он и, повернувшись к Камее, попросил ее подождать.

– Я буду на берегу, – сказала девушка.

– Понял, – сказал он и обреченно, как на заклятие, пошел к Мастерам.

Пытливый чувствовал на себе их пристальные взгляды. Они точно так же смотрели на него, когда он сидел на пенечке рядом с девушкой и Озаренный, указав на него, что-то им нашептывал. А может, подумал он, их вызов связан не с его «боевой» операцией, а с Камеей?

Догадки возникали одна за другой. Он терялся в них. Знай, что они хотят, было бы легче. Можно было бы достойно, как с домашней заготовкой отреагировать на любой их вопрос... Наконец поравнявшись с ними, он сказал:

– Я пришел.

Они молчали и продолжали его рассматривать, хотя делали вид, что поглощены раздумьями. А может, собирались с мыслями, чтобы сразу огорошить чем-нибудь вроде: «Что это ты, милоч, вздумал людей жечь?»

4. Мама

– Я пришел, – повторил Пытливый.

– Ну и хорошо, – сказал Озаренный и, сделав паузу, словно собравшись с духом, спросил:

– Ты извини, пожалуйста, но нас интересует, кто твой отец?

Вопрос сшибал с ног. По привычке все взвешивать, он перебирал в уме варианты ответов. Хотелось просто отрезать: «Мой отец Всевышний». Но он его выбраковал. Такой ответ не подойдет. На ВКМ считают, что они – Озаренный, Верный и Кроткий – действительно Его сыны. И «сын Всевышнего» воспринимается гражданами Венечных не как кровное родство, а как неофициальное и очень чтимое обращение к человеку, облеченному Его доверием. Пойди потом докажи, что он не надерзил, а в свои слова вкладывал совсем иной смысл. Мол, для него, безотцовщины, отцом может быть только Всевышний.

Вобщем, пока Пытливый раздумывал, губы его сами выцедили:

– То есть?..

– Как зовут? Чем занимается? Где живет? – уточнил Озаренный.

– У меня нет отца.

– То есть?! – непонятно от чего взволновавшись, выдохнул Кроткий.

– Я его никогда не видел. Впрочем, как и он меня. Мама не раз говорила, что папа пропал без вести. Он не знал даже, что она беременна мной.

– Вот как!? А чем он занимался мать говорила? – буравя глазами Пытливого, с пристрастием следователя, спрашивал Верный.

– А что это вас так интересует? – растерянно глядя на странно застывших в оцепенении Мастеров, сказал он.

– Потом объясним. Отвечай! – потребовал Озаренный.

– Мама у меня такая выдумщица. Она несколько раз говорила...

Пытливый смущенно потупившись, умолк.

– Ну что? Что говорила? – с явным нетерпением торопил Озаренный.

– Это ее выдумка, Мастер. Она его, видимо, очень любила и придумывала о нем бог весть что.

– Что придумывала?! Ты можешь говорить вразумительно?! – повысил голос Верный.

«Да что это они, – подумал Пытливый, – с ума сошли что ли? На что им сдался мой отец и что им за дело, о чем рассказывала мне мать? Неудобно даже повторять ее сказку...»

– Видите ли, это была сказочка для ребенка, спрашивающего: «Кто его папа?»

– Пытливый, ты из нас душу вытягиваешь! Выкладывай сказку! – приказал Озаренный.

– Суть ее в том, что отец был Его любимчиком, – Пытливый робко указал пальцем вверх. Мастера молниеносно обменялись между собой взглядами.

– Это уже что-то, – серьезно говорит Озаренный и вкрадчиво, словно чего-то боясь вспугнуть, спрашивает:

– Маму зовут не Чаруша?

– Чаруша, – кивает Пытливый, и спохватившись, хочет спросить, откуда он знает.

Озаренный, однако, не дает раскрыть ему рта.

– Имя отца она называла?

– Называла. Странное имя... Ведун.

– Где она живет? Чем занимается?

– Зачем это вам?

– Отвечай, прошу тебя. Потом объясним.

– Мама – модельер. Никакого отношения ни к науке, ни к нашему делу не имеет. А жили мы всегда на Венечной третьего Луча.

– Сейчас она там?
Пытливый кивнул. Наступило долгое молчание, которое нарушил Верный.
– Соедини нас с ней. Немедленно! – резко приказал он.
– Да! Да! – воскликнул Кроткий и многозначительно добавил:
– Только так!
Пытливый не знал, что думать и что они хотят от него и его матери.
– Давай, давай, парень, – поторапливал Озаренный.
– А как? Я не могу.
– Успокойся, Озаренный. Он действительно не может. У него же одноярусный нимб, – говорит Верный.
– Я совсем потерял голову, – соглашается он. – Возьми мой и вызывай город. Настойчиво. Моим именем. Без стеснения, – явно возбужденный распоряжался Озаренный.
– Который час там? – интересуется Пытливый.
– По ВКМ десять тридцать. Там самый разгар рабочего дня, – сказал кто-то из Мастеров.
Пытливый представил, какой в городе поднимется переполох. По видеоканалу Избранных сам Озаренный, почитаемый за сына Всевышнего, требует Чарушу...
Какие-то незнакомые люди с выражением недоумения и растерянности смотрят на Пытливого, Верного и Кроткого. «Ее ищут», – говорят они и просят извинения за задержку.
Сначала он слышит мамин голос:
– Тут какая-то ошибка, – кричит она, а потом, вдруг сникнув, шепчет:
– Может, что случилось с Пытлей?
И вот она.
– Она!.. Это – она! – в самое ухо Пытливому выдыхает Озаренный и, дергая его за рукав, по-мальчишески шипит:
– Отдай мой нимб.
– Потерпи, – просит Кроткий, – пусть мальчик пообщается.
– Вот и я, мама! – выкрикивает он, не слыша своего голоса.
– Здравствуй, сынок! С тобой ничего не случилось? Где ты?
– В командировке. Все у меня хорошо. Просто представился случай связаться с тобой, и я его не упустил...
– Ты же весь город всполошил, мальчик мой. По такому каналу с нами соединяются самые-самые. Избранные. И по чрезвычайным поводам.
– Повод чрезвычайный, – пробухтел, стоявший рядом Верный.
– А это кто... – последней фразы – «с тобой» – она уже не выговорила. Взмахнув в испуге руками, она бледнеет и скорее стонет, чем произносит:
– Сердитый Воин...
– Он, он, – говорит Кроткий.
Чаруша переводит взгляд на подтвердившего ее слова и, как от полученной внезапной раны, доставившей ей больше удовольствия, чем боли, протяжно выпевает:
– О-о-о!.. Ты ли, Томный!?
В это время Озаренный срывает с Пытливого нимб и, надев его, как сумасшедший вопит:
– Чаруша! Чаруша! И я, Багровый Бык, тоже здесь.
Смеясь и плача Чаруша бросается к ним.
– Мальчики!.. Мальчики мои родные...
Она гладит экран с улыбающимися ей лицами мужчин. Целует их.
Они жадно оглядывают друг друга. Хохочат. А сквозь смех тусклыми змеиными чешуйками мерцает глубокая печаль.
Мужчины не плачут. За них плачет Чаруша. А сквозь слезы бриллиантовыми камушками сверкает восторг. Радость узнавания. Счастье встречи.

– Откуда вы?

– Оттуда же! – отвечает за всех Озаренный.

– А Ведун?! Где мой Ведун?..

– Чаруша, милая, мы даже не знали, где ты. Мы искали тебя на Промежуточных, – объясняет Озаренный, назвавшийся Багровым Быком.

– Ведун скорее всего в Кругообороте. Только вот не знаем в каком Луче, – ответил Верный.

– Неужели я никогда-никогда его не увижу...

– Ну что ты, Чаруша? Когда-нибудь мы опять будем вместе, – успокаивает ее Кроткий.

– Он даже не знает, что у него сын.

– И мы были не в курсе, – говорит Кроткий. – Только сегодня узнали.

– Это я его вычислил, – похвастался Озаренный. – Он вылитый отец. И родинка на горле – в форме ладони – тоже его. А манера говорить чуть кривя рот, прямо один к одному Ведунская.

– А где Пытля? Я его плохо вижу. Он что далеко?

– Нет рядом, – успокоил Верный и, обратившись к практиканту попросил встать поплотнее к нему.

– Пытля, это самые близкие друзья твоего отца, – горячо шепчет она. – Мы все вместе жили когда-то...

Пытливый все никак не мог прийти в себя. Триумvirат Мастеров, хрестоматийные герои ВКМ, с которыми быть только знакомым почиталось за великую честь, – оказались близкими для его семьи людьми. От них веяло родственным теплом. Оно словно мягкими губами и нежно-нежно касалось каждой клетки его существа. К матери они относились как горячо любящие братья к сестре. Пытливый помнил, она рассказывала о них. И о Багровом Быке, и о Томном, и о Сердитом Воине. И, конечно, об его отце – Ведуне.

Он никогда не сомневался в том, что все услышанное от мамы было плодом ее образного воображения. Красивыми сказками сыну...

Став повзрослей и слушая мамины истории об отце и его товарищах, он думал о том, что ей надо было стать сказительницей легенд, а не модельером. В их сюжетах не хватало одной малости, классического начала: «В некотором царстве, в тридевятом государстве». Хотя место, где все происходило, тоже не называлось. Не потому, что она избегала называть его, а потому, что не помнила. Словно кто стер все из памяти. Сколько раз Чаруша пыталась припомнить, если не местечко, где все это происходило, то хотя бы планету... Но, увы!

Однако она точно знала, что та планета была не этой, где она сейчас живет и работает, где родила сына и где они долгое время жили вместе, пока мальчик не встал на крыло. Зато Чаруша помнила такие детали из своей жизни на той планете, которые подчас ей самой казались игрой воспаленного сознания. И вот... Если, конечно, представшее перед ней не бред наяву...

Перед ней стояли все те, кто были героями, так называемых ее сыном, выдумок. Они смотрели на нее до слез родными и любящими глазами. И тогда все они были влюблены в нее. А Чаруша любила другого. Их товарища. Он был у них за старшего. И звали его Ведун...

И Чаруша все вспомнила. В темнущих закоулках ее памяти, где хранилось давным-давно забытое и перезабытое, вспыхнул свет. Разрывающий голову ослепительный свет. Она зажмурилась...

И на ветке дуба, свисающей над крыльцом их земного жилища, как когда-то давным-давно Чаруша увидела белого-белого, как снег, сокола...

Глава третья

1. Ментор

– Сожалею, Пытливый, но у меня нет больше времени на вас, – не сводя тяжелого взгляда со слушателя, поднялся Карамельник.

– Все. Разговор окончен.

По всему декану осточертело разговаривать с ним. Что хотел сказать – он сказал. Черта подведена. Продолжать беседу не имело смысла. Долг он свой выполнил. Битый час так и эдак растолковывал: выпускник ты или нет, есть заслуги у тебя или ты без них, все равно, за обман, что в перечне непрощаемых ошибок Высшей Школы Удостоенных стоит на первом месте, он подлежит безоговорочному отчислению.

Декан не стал протягивать ему руки. С бывшего достаточно и того, что он поднялся с кресла.

– Стало быть, – угрюмо усмехается Пытливый, – приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Карамельник кивнул.

– Впрочем, об отчислении вам скорее всего объявят после обсуждения и подведения итогов результатов работ, проделанных практикантами на Земле... Я уполномочен был провести лишь предварительную беседу.

С трудом передвигая налитые свинцом ноги, Пытливый поплелся к выходу. Уже открывая дверь, он что-то вспомнил.

– Простите. Мне хотелось бы присутствовать на подведении итогов. Это мне еще можно?

Вопрос явно застал декана врасплох. Он знал, обсуждению придавалось большое значение. На нем, как сообщили преподавательскому составу, изъявил желание присутствовать сам Всевышний. И стоило ли уже, в принципе, бывшему слушателю Школы являться на столь важный форум? Из уст его чуть не вырвалось: «Не думаю, что это вам нужно». Но, поразмыслив, Карамельник сдержался. Вместо этого он потянулся к кнопке телесвязи. Экран высветил погруженного в чтение ректора.

– Слушаю, – не отрываясь от лежащих перед ним бумаг, проговорил Ментор.

– Пытливый настаивает присутствовать на обсуждении, – передернул декан.

Оторвавшись от чтения, ректор рассеяно посмотрел на декана, а потом, заметив Пытливого, без особого удивления, как бы для самого себя, отметил:

– И ты здесь, коллега...

Обдав Пытливого взглядом полным увещеваний, мол, «Как ты мог?» – он добавил, обращаясь только к нему: – А почему бы нет, коллега?

– Спасибо, – буркнул Пытливый и, забыв о свинце в ногах, выбежал из декановского кабинета.

Объятый с ног до головы огнем стыда, он не помнил, как выскочил из Школы, запрыгнул в «стрекозу» и куда приказал ей лететь. Он не заметил даже, как она взмыла в небо. Пытливый был в шоке. Лучше еще бы час ему слушать выворачивающие душу, занудистые нравоучения Карамельника, чем один раз и всего на секунду встретиться с глазами Ментора.

Они ведь были друзьями. Было время общались почти каждый день. Он, Камея и Ментор. Если, конечно, Ментор не покидал по делам Резиденции.

Ментор и Камея любили море. Пытливый же к нему был равнодушен. Он предпочитал горы. Но из-за девушки и Ментора, которого любил слушать, забрасывать вопросами и спорить, мирился со столь не обременительным для него дискомфортом. Сколько раз, споря с

Ментором, Пытливый ловил себя на том, что его заносит. Ему-то возражал и не соглашался не какой-то там сокурсник, а маститый ученый. Ментору же, по всей видимости, нравилось затевать диспуты у моря. Юноша ставил отнюдь не глупые вопросы. И не раз его возражения заставляли задумываться ученого и рассматривать обсуждаемую проблему с неожиданного для него ракурса. Он сам зачастую искал с ним встреч, чтобы подбросить ту или иную заковыку, которую начинал исследовать, чтобы обсосать ее со всех сторон. Лучшего оппонента не надо было и искать. Ученый того же уровня не годился. Он также заиклен на известных и многое объясняющих истинах. Отойти от них бывает трудно, а этому парню не надо было говорить: «Отойди от известного». Парадоксальность его мышления прямо-таки обескураживала.

Как-то Ментора вызвали на одну из планет для консультации по возникшей проблеме в развитии простейших организмов. Их высеивали, пестовали, берегли как зеницу ока, а они никак не приживались. Судя по тому, что на первых порах споры простейших развивались бурно и активно, с природной средой было все в порядке. По истечении времени, в период взросления, они также активно начинали хиреть. И в конце концов погибали. Что только ни делали, ничего не помогало. Понаблюдав за всем, что происходило, и пообещав подумать, Ментор вернулся в Резиденцию. Сел за компьютер. Поднял массу литературы. Он искал аналогов. Но тщетно. Ничего похожего. Мысль, как решить эту задачу, не давала ему покоя ни днем ни ночью. Ничего путного в голову не лезло. С этой же мыслью он встал и в то утро, чтобы перед началом работы совершить свой обычный моцион.

Прибой действовал на него чудодейственно. Успокаивал. А тут еще о чем-то нейтральном щебетала Камея, гулявшая со всегда насупленным и взъерошенным на ветру паренком.

– Где ты был, Ментор? Расскажи, – заглядывая в лицо ректору просит девушка.

– Да ну! – машет он рукой, а сам, незаметно для себя, начинает рассказывать.

И так втянулся, что выложил всю донимавшую его «занозу».

– Так вот почему ты мрачный? – тянет Камея. – Тут я тебе не помощница.

– Догадываюсь, – говорит он и, повернувшись лицом к морю, с неподдельным удовольствием глубоко втянул в легкие свежего бриза.

Жмурясь и слушая волны, он скорее ради того, чтобы что-то сказать, спросил:

– Может, ты, Пытливый, сможешь помочь?

– Не знаю, – тихо отзывается тот. – Но мне кажется в этом деле нет палки.

– Что?! – переспрашивает он.

– Стержня в процессе не видно.

– Ерунда, парень. Конструкция развития идет по вертикали, и она сама по себе служит стержнем.

– Не думаю. Возьмите растущую лозу. Не приставь к ней шпалеру, что будет? Она ляжет на почву. Другая рядом тоже начнет стелиться. Между ними начнется свара.

– Да причем тут виноградники? – откровенно разочарованный говорит Ментор.

– Как причем!? – вскидывается Пытливый. – Если бы развитие простейших протекало равномерно, тогда другое дело. Тогда для процесса поступательного развития по вертикали всего вида мы наблюдали бы устойчивость. Она была бы самодостаточной. Но ведь простейшие обладают индивидуальностью. И поэтому получается следующее...

Пытливый поднимает голыш и на песке чертит разнозубую по сторонам и, устремленную вверх, зигзагообразную линию.

– Может ли такая башенка удержаться? – спрашивает он и сам же отвечает: – Ни за что! Ей нужна подпорка... А если быть точным, то простейшим для стройного движения нужна железная дисциплина. Им нужен капрал с палкой. Чтобы мог твердой рукой управлять ими.

– Капрал с палкой, – раздумчиво повторяет Ментор.

Ему эта идея уже не кажется вздорной. Что-то вроде его осенило.

– А знаешь, Пытливый, как ни странно, но над «капралом» стоит подумать, – сказал он и, словно потеряв ориентир, как сомнамбула, пошел в противоположную от парочки сторону.

В голове мало-помалу уже складывалось решение. Кое-какие концы не связывались. Но это его не беспокоило. Он знал: во время работы они соединятся сами по себе. Главное – нащупан принцип. Как дико просто, удивлялся он.

«Ай да, Пытливый! Ай да, сукин сын!» – бормотал Ментор, созерцая в умозрении весь механизм, исключаящий обреченность простейших... «Кстати, а где студент?» – спросил он себя и только тут заметил, что прогуливается один.

Придя в Школу, Ментор распорядился вызвать к себе третьекурсника по имени Пытливый, освободив его на месяц от занятий.

Спустя четверть часа вопросительная физиономия слушателя всунулась к нему в кабинет и робко испросила разрешения войти. Ухватив его за ворот, он затащил к себе. – Сколько тебе лет, коллега?

– Двадцать восемь.

– Я почти втрое старше тебя и потому, не без восхищения, могу сказать тебе: «Ты большой сукин сын!» Пытливый рассмеялся.

– Отлично! А теперь пошли в мою лабораторию.

2. «Эффект капрала»

Дней двадцать пять два фаната – молодой и старый – почти не покидали лаборатории. Дневали и ночевали в ней. Ментор все больше и больше поражался природной смекалке этого зеленого, в сравнении с ним, парня. Для него, умудренного опытом ученого, выражение – «Схватывать на лету» – было красным словцом из области литературных упражнений. А вот, оказалось, заблуждался. Есть значит такие. Одного он имел честь лицезреть перед собой. Приступил к незнакомой, казалось бы, работе, а делал ее так, будто занимался этим не впервые... Если сталкивался с какой-либо теоретической трудностью, брал его нимб, находил нужное ему, прочитывал, а потом с новым рвением набрасывался в оставленное дело.

Именно тогда Пытливый впервые по достоинству оценил громадные возможности нимба. Без него на всю работу, включая и теоретическую часть, ушло бы месяца три. Если не больше. Мог он обходиться и без нимба. Ментор не преминул проэкспериментировать это. Под видом того, что его ждут неотложные дела, Ментор, прихватив нимб, спустился к себе в кабинет. Уже оттуда позвонив, сказал:

– Я очень извиняюсь, коллега, но, судя по всему, я буду здесь пришит до вечера. Надеюсь, тот узелок, что мы с тобой начали, ты к этому времени завершишь?

– Постараюсь, – пробухтел Пытливый.

Ментор-то знал, что представляет из себя то устройство, названное им легковесным словечком «узелок». Что правда, то правда, устройство должно было быть небольшим по размеру, зато важнейшим для функционирования всей системы.

Чтобы сварганить такой «аппаратик» без помощи нимба, не без добродушной издевки думал ректор, мальчику понадобится в лучшем случае два полных дня. Ментор хотел, чтобы Пытливый как можно дольше ломал голову. Ему же на пользу. Ученый на все сто был уверен, что его молодой коллега ни за что не дойдет до уже придуманного ими механического принципа действия аппарата.

Ректор предвкушал неудачу своего молодого партнера. Видел выражение беспомощности на его лице. Слышал себя, как он подтрунивает над ним. «Вот что значит не знать механики», – скажет он ему. А потом усадит рядом и по своим чертежам они вместе соберут этот злосчастный аппарат.

Понемногу все эти мысли отодвинулись на задний план. И он все чаще и чаще обращался к бумагам на письменном столе, пока не ушел в них с головой...

Разногласия в Ученом Совете... Звонки из учебных заведений Венечных планет с просьбой принять участие в научно-практических конференциях... Жалобы на несвоевременное исполнение заявок, каждая из которых представлялась заказчиком жизненно важной, чрезвычайно срочной. Действительно, пара таких заказов как выяснилось, не исполнены. Ментор стал разбираться почему. И в самый разгар разборки пропел зуммер. Ментор машинально ударил по клавише и, не глядя на экран, бросил:

– Слушаю!

– Я, наверное, не вовремя? – спросили с экрана.

– Конечно! – раздраженно было начал он и, подняв голову, лицом к лицу встретился с торжествующими глазами Пытливого.

– Узелок готов, Ментор!

Пытливый поворотом головы показал на аппарат, стоявший на стенде. Собранный вчерне, он представлял из себя цепочку расставленных по всему стенду и соединенных между собой механических приспособлений. Внешне все вкривь и вкось. Жалкое зрелище. Но оно работало. На самой середине пульта, что стоял под рукой юноши, маячком голубого пламени горел огонек.

– Так, – объяснял Пытливый, – он работает от солнечных лучей И точно так же... Посмотрите...

Пытливый щелкает тумблером. Лаборатория наполнилась ломким золотистым светом. И в аппарате снова вспыхивает голубой огонек.

– Точно так же работает при искусственном освещении... Но это еще не все. Вот где фокус!

Во входной паз устройства Пытливый вставляет кристалл. Обычный воспроизводящий кристалл. Нажимает прилаженную под термометром кнопку. Считает: «Один, два, три...» Убирает палец с кнопки и кладет ладонь на лежащий в гнезде кристалл. И аппарат мгновенно отзывается голубой вспышкой.

– Элементарная энергия человеческого излучения, – торжествует студент.

Ментор сражен был наповал.

– Не может быть! – выдохнул он.

– Тем не менее, – не преминул съехидничать Пытливый.

– Как это?!

– По наитию. Это же так просто.

– Ты так думаешь?

– Угу, – бурчит он.

– Хорошо. Я сейчас поднимусь.

Дав нагоняй нерадивцам и определив им жесткие сроки, Ментор отпустил их. Потом, подперев подбородок, долго смотрел на серый овал экрана, откуда несколько минут назад сиял Пытливый.

– Боже! – воскликнул он. – Это же аномалия!

Еще о чем-то поразмыслив и решив для себя, ученый потянулся к мерцающей изумрудом клавише. Связь со Всевышним. И комнату заполнил негромкий голос усталого, но готового выслушать тебя человека.

– Излагайте.

Ученый стал рассказывать. Лаконично. Коротко. И о своей командировке, и о проблеме, и о парадоксальной идее, высказанной Пытливым, и об их совместной работе, и о последнем эпизоде, повергшим его в изумление...

– Признаться, аппарат тот мне виделся другим. Я полагал заложить в него совершенно иную методику функционирования. Механическую. Но предложенное им меня прямо-таки потрясло. Он замкнул аппарат на биосреду. Такая мозговая выкрутаса... Просто...

Ментор не находил эпитета.

Всевышний его не перебивал. Слушал внимательно. Только после заминки с эпитетом, бесстрастно спросил:

– Пытливый – это тот из двух?

Ректор запнулся. «Что он имеет в виду?» – лихорадочно думал он. И... вспомнил.

– Да, – поспешно ответил Ментор, – он один из тех самых двух. Но, по правде, я об этом забыл. Контакт с ним получился случайный...

Всевышний не стал слушать излияний ректора.

– Слушаю вопрос, – не меняя тональности потребовал Он.

– Я хотел бы перевести его с третьего на пятый курс. Тем более, что все эти годы изучаются технологические дисциплины. А он этой работой...

– Не возражаю! – сказал Всевышний.

Поблагодарив за поддержку, Ментор вновь обратился к Нему:

– Творческая энергия нашего мальчика на грани чуда. Откуда это у него?

Ответа не последовало. Очевидно, вопрос был из разряда праздных. Хотя кристалл связи, казалось, среагировал. Вроде прошелестел: «...тя...рр...го...ха».

Ментор покосился на клавишу кристалла связи. Она вновь светилась ровным зеленым светом.

«Отключился», – догадался он.

В кабинете его больше ничего не задерживало. И Ментор ринулся в лабораторию.

– Поздравляю, коллега! – крикнул он с порога. – Решение – гениальное. Теперь садись и описывай все что мы делали.

– Дайте нимб. С ним быстрее.

Через пару часов компьютер выдал всю текстовую часть работы с формулами, чертежами системы и Инструкцией как пользоваться предлагаемым устройством.

– Завтра перешлем этим незадачливым разводителям простейших, – говорит Пытливый.

– Нет, не завтра. А после того, как Ученый Совет даст свое резюме.

– Значит, придется ждать, – разочарованно протянул слушатель.

– Ничего подобного! Сейчас двадцать часов ноль пять минут. В двадцать часов двадцать минут их визы будут у нас на руках. А в двадцать часов тридцать минут мы отправим свою работу по назначению... Но прежде всего давай подумаем, как назвать наше исследование.

Пытливый пожал плечами.

– Предлагаю: «Эффект капрала».

Пытливый расхохотался.

– Я вполне серьезно, – по-деловому, сухо бросает ученый.

– Согласен, – говорит слушатель.

– Отлично... А теперь фамилии авторов. – И с этими словами Ментор сдвигает к его рукам всю стопку бумаг с изложением работы. – Подписывай первым ты.

– Ни за что! – искренне возмутился Пытливый. – Что мною здесь сделано?! Только сердечник. Это же ерунда... В остальном же, коллега, я, как первоклашка, вместе с учителем прошел азбуку процесса исследования...

За все время, что они провели в лаборатории вместе, Пытливый впервые, в один присест, выдал такую длинную речь.

– Нет, Ментор! Первой моя фамилия не пойдет.

Обняв своего молодого партнера за плечи, он, вкладывая в каждое слово силу внушения, проговорил:

– Не умаляй своей роли. Это не тот случай. Скромность хороша в небольших дозах и ни в каких – когда касается больших дел... Вклад твой основателен. Главное, тебе это больше нужно. У меня же одних монографий столько, сколько тебе лет. А статьям – нет счета. В твоей же биографии эта работа первая. Ты ею еще будешь гордиться. Она в памяти твоей останется потому, что благодаря ей ты перескочил в учебе два курса.

– Что? Не понял? – облизнув языком враз высохший рот, прошептал Пытливый.

– С этой минуты ты слушатель пятого курса. Ознакомься с приказом, – Ментор протянул ему только что вынутый из принтера листок бумаги.

– Вот под ним я подписываюсь. Здесь я не прошу твоего автографа...

– Спасибо, Ментор. И за пятый курс. И за приоритет в авторстве.

Ректор махнул рукой, дескать, пустое. Затем, соединившись со всеми членами Ученого Совета и назвав код работы, записанной на видеокристалл, просил рассмотреть ее в срочном порядке.

– В практических рекомендациях, что содержатся в ней, имеется незамедлительная нужда, – добавил он, заключая свой разговор с каждым из членов Совета.

3. Подарок, который в нас

Пытливый в то утро проснулся знаменитым. Проснулся от поцелуя. Так целовала его мама. Она всегда так его будила. Мама включала музыку и вместе с приглушенно звучащей мелодией, подсаживалась на край кровати и губами теребила ухо.

– Чаруша, не буди. Не надо, – прохрипел он.

Но мама молчала. Нежные пальцы ее с ласковой трепетностью пробегали по волосам. Они поглаживали висок, обводили торчавшее из-под одеяла ухо и спускались к затылку, нежно массируя его. Пытливому становилось хорошо-хорошо. Он улыбался.

– Я люблю тебя, Чаруша, – сладко потягиваясь и не открывая глаз, простонал он.

Сон был некрепким. То ли сон, то ли забытье с видениями наяву. Мозг как во хмелю. По комнате плывет блюз. Мама сидит рядом. Он чувствует ее бедро. Губы пожевывают его топорщащееся ухо. Прохладная ладонь ложится на лоб. «Чаруша, я люблю тебя», – повторяет он... Рука взлетает со лба. Губы вспархивают с уха. И не мамин, но такой же дорогой ему голос, смешавшись с блюзом, робко спрашивает:

– Какая Чаруша?

Сладко потягиваясь, Пытливый блаженно улыбается, открывает глаза и видит склонившуюся над ним Камею. Он тянет к ней руки:

– А мне снился дом... Мама...

– Не заговаривай зубы. Кто такая Чаруша? – поймав его руки, настаивает она.

Пытливый смеется. Изловчившись, он ловит ее за талию и валит на себя. Она лежит у него в руках, мягкая, желанная, потрясающе красивая. Отливающая старым серебром, пепельная от природы ее грива тяжело падает на матрац. Раздуваясь розовыми лепестками, подрагивают ноздри ее точеного носика. Сочные, совсем не крашенные губы лопаются от избытка малинового сока. Он пытается дотянуться до них, но Камея успевает закрыть ладонью ему рот.

– Что? – шепчет Пытливый.

– Чаруша – кто?

– Так зовут мою маму.

– Правда?!

Она отстраняет руку, и он окунается в горсть, наполненную до краев малиной...

И сорвался рысак с удил. И влетел он в звездную ночь. И припал он к золотым сотам лунного света. И в беспамятстве пил он сладчайший из медов. И стонала разомлевшая степь. И пьянила она его ароматом волшебных трав. И увлекала под ажурную попону, вытканную из серебряных нитей ковыля. И спеленал рысак высокий ковыль. И замутился звездной пылью взор его. И казалось ему, что парит он в поднебесье, широко распластав крылья. И не степь то стонет, а миры поют...

Первой от грез очнулась Камея.

– Надо вставать, – говорит она, накидывая на себя простыню.

– Ты что так смотришь на меня? – спрашивает Пытливый.

– Эта родинка. У меня такое чувство будто я ее однажды уже вот так разглядывала, – задумчиво проводя по ней указательным пальцем говорит она.

Пытливый пытается куснуть ее за палец. Она успевает отдернуть его. Он нарочно звонко клацает зубами.

– Варвар! – кричит Камея, бросившись на него. И ему вдруг тоже показалось, что он когда-то уже слышал этот ее возглас. И с таким же восхищением и любовью когда-то уже смотрел на нее.

– Ты что так смотришь на меня? – теперь уже спрашивает Камея.

– Любуюсь.

- Нет, – не верит она. – Что-то другое. Скажи, – кокетливо тормозит девушка.
- Ну и чутье у тебя!.. Видишь ли, ты очень красива... Но два года ты здесь была без меня. Целых два года. Неужели за это время никто не влюбился в тебя? Или ты в кого?
- Я – нет. А тайный воздыхатель у меня есть. Ты его знаешь... Дрема.
- Есть и получше Дремы... Что у них глаз не было?
- Не знаю, – говорит она и тут же вскидывается:
- Чего ты добиваешься?
- Я ревную. Даже к несуществующему. Даже к самому себе... Объявился какой-то замухрышка первокурсник и красавица с третьего курса предпочла его всем другим.
- Каменя приподнялась на локоть. Внимательно разглядывая его, спросила:
- Ты, серьезно?
- Угу.
- Балда ты. Как моя мама. Она все мне говорила, что здесь, в Резиденции, собраны лучшие экземпляры мужских особей, а ты, то есть я, ни в кого не влюбилась.
- Вот-вот! И твоя мама тоже...
- Не зли меня, – потребовала девушка, дернув его за волосы на груди.
- Садистка! – взвизгнул Пытливый.
- Слушай, ревнивец. Любовь так просто, по желанию, не получается. Она – от Него. И неизвестно подарком ли она обернется или бедой. В любом случае – подарок, который мы носим в себе. Он в тебе – к ней. И в ней – к нему... И потом, для меня ты не замухрышка. Ты для меня самый умный, самый сильный, самый смешной. И мне порой кажется, что ты хочешь отвязаться от меня. Особенно, когда ты не обращаешь на меня внимание. Ходишь как под гипнозом...
- Такого не бывает.
- Нет, бывает, – шаловливо говорит она.
- Может быть, – соглашается он. – Но не ты этому причина.
- Да! – вдруг вскрикивает она что-то вспомнив. – Я совсем забыла зачем пришла.
- Обернувшись в простыню, как в тогу, Каменя во весь рост встала на тахту. Вскинув вверх руку, она, вероятно, собиралась произнести заранее подготовленную ею шутивную речь. Но все, как назло, повылетело из памяти.
- Минутку. Сейчас вспомню, – попросила она.
- Каменя закрыв глаза, потерла лоб. Но... увы! Пропавшее не находилось. И она с досадой проговорила:
- Забыла. Все забыла. Но ничего, – тряхнула она роскошной гривой. – Скажу без всяких... Вообще... Я поздравляю тебя. Вся Школа гудит. Все кто знает и не знает Пытливого, хотят посмотреть на него. Ты же знаменитость...
- Я?! С чего бы? – слукавил он.
- Ты что не знаешь?
- Пытливый мотает головой. Ему страсть как хочется все услышать от нее.
- Это самое лучшее, что было в его славе.
- Слушай, мы с тобой теперь однокурсники!
- Как это?
- Очень просто. Твоя работа не то «Палка капрала», не то «Метод...», – точно не запомнила, высоко оценена Ученым Советом Школы. Очень высоко... А теперь, если ты такой умный, догадайся, что они решили?
- Пожалуйста... Во-первых, исследование называется «Эффект капрала». Во-вторых, – Пытливый задумался, вспоминая прочитанный им вчера приказ. И наизусть, слово в слово выдал его текст.
- Она оторопела.

– Ты знал?

– Еще вчера, – как можно равнодушной обронил он, испытывая от этого необычайное удовольствие.

Камея гневно сверкнула глазами, изогнула спинку и кошкой прыгнула на него. Ее кулачки забарабанили ему по груди, а потом, артистически по-хищному вытянув пальцы, она сомкнула их на горле Пытливого.

– Артист из погорелого театра. Замухрышковый гений! – кричала она.

И снова высокий ковыль полыхнул серебром. И затомилась ароматами дурманных трав степь. И снова конь, взбив звездную пыль, взмыл в небеса. И золотые соты луны вновь наполнились сладчайшим из медов...

4. Дело о первородном грехе

У Ментора сжалось сердце. Он чувствовал боль Пытливого. Понимал объяввший его стыд. Но что он мог поделать? Закон – не переступить. Не было случая, чтобы Сам Всевышний, хотя бы раз, отступил от его буквы.

Минимальное наказание за обман от одного до десяти лет высылки из ВКМ. Это, если у обвиняемого имелись веские, смягчающие тяжесть вины, аргументы. Предельное наказание пятьдесят лет принудительного труда или от одного до трех отправок в Кругооборот. В обоих случаях программа жизни осужденному устанавливалась Всевышним.

Вина Пытливого усугублялась еще тем, что многие правоведы квалифицировали его проступок, как обман с явными признаками подлога. По этому поводу между ними возникли споры. Одни приводили в пример аналоги из практики, утверждая, что обвиняемому должна инкриминироваться иная, более жесткая статья, по которой:

а) осужденный лишается права на получение диплома учебного заведения и права поступления в него после возвращения из Кругооборота (Кругооборотов);

б) осужденному запрещается после возвращения из назначенных ему приговором Кругооборотов жить на Венечных планетах...

Другие, ссылаясь на Комментарий к Кодексу, доказывали, что вина слушателя должна рассматриваться под углом требований правопорядка, содержащихся в Уставе Школы, постольку поскольку Школа имеет особый статус автономного образования, приравненный к Венечным планетам ВКМ. Следовательно, к его деяниям применим перечень наказаний указанных в Уставе:

а) отчисление с последующим восстановлением через год;

б) исправительные работы от одного до трех лет с возможным восстановлением на столько курсов ниже, сколько осужденный провел в местах наказания.

Ментора устраивал пункт «а» Устава. И был категорически против тех, кто настаивал на применении более жесткой статьи Закона. Однако он хорошо понимал, что Устав в случае с Пытливым применить будет достаточно сложно. Вся загвоздка заключалась в том, что Пытливый был выпускником. Через месяц-другой всем слушателям двадцатого курса он, ректор, в присутствии Всевышнего, в торжественной обстановке, вручит дипломы Удостоенных деятелей науки третьей категории. А тем, кто вернулся из командировки с планеты Земля предполагалось вручить дипломы не далее как через пару дней.

Большинство членов Ученого Совета Школы предлагали представленные практикантами отчеты приравнять к итоговой диссертационной работе. О том, что они из зала, где состоится заслушивание отчетов, могут выйти в ранге ученых, держалось пока в секрете. Потому что на это еще не было получено добро Совета Избранных. Все будет зависеть от уровня представленных отчетов...

И еще он знал, что Пытливый единственный из вернувшихся, кто до сих пор не сдал своего исследования в компьютерную службу. Но у него еще есть время. Последний срок приема работ – день завтрашний. Срок приема истечет послезавтра в полдень. Правда, в связи с непростой ситуацией, создавшейся вокруг слушателя, Ментор мог дать указание не принимать к рассмотрению его исследования. Но что-то удерживало его от этого шага.

И теперь, оцепенело глядя на дверь, за которой поспешно скрылся Пытливый, ректор всерьез задумался, а правильно ли он поступает? Ведь если запретил бы, то Пытливый осуждался бы как студент. То есть находился бы под юрисдикцией Устава Школы. В обратном случае он должен быть аттестован. И уже как специалист, он подпадал под действие Свода законов граждан ВКМ...

Зная Пытливового, Ментор был уверен, что тот обязательно сдаст свою работу. Не станет взвешивать: выгодно ему или нет. Во искупление вины своей пойдет до конца. И поступит честно... Во всяком случае, сердца судей – не камень. Хотя выше Закона никто из них не прыгнет. Всевышний не пощадил даже Строптивного, которого любил как сына. Но получилось так, что Строптивный оказался на скамье подсудимых. Кстати, тоже по статье обмана. Судьи не склонны были выносить ему приговор по максимуму. Они хотели присудить ему десять лет ссылки. Однако Всевышний не позволил им даже удалиться в совещательную комнату для выработки окончательного вердикта...

В ушах Ментора, стоит ему только вспомнить тот процесс, до сих пор доносится, прозвучавший страшным громом, негромкий голос Всевышнего:

– Осуждаем по максимуму. Пятьдесят лет принудительных работ.

Как Верховный судья и Главный Обвинитель Он имел на это право. Хотя бы потому, что неоднократно предупреждал и Строптивного, и всю его команду не иметь отношений с женщинами планеты Земля пока род человеческий находился под силовой оболочкой. Строптивный тем не менее нарушил запрет. Как утверждали члены его руководящего ядра – и Озаренный, и Верный, и Кроткий – Строптивный без памяти влюбился в ту земляночку. Перед тем как все открылось, Всевышний спрашивал Строптивного, не было ли отступлений от каких-либо Его рекомендаций, и тот категорически ответил: «Нет!»

В канун снятия силового колпака с планеты Земля Всевышний без предупреждения объявился в доме, где размещались Строптивный с руководящей группой своих соратников. И лицом к лицу столкнулся с женщиной, которая на вопрос: «Кто вы?» – ответила: «Жена Ведуна...»

Строптивного на планете Земля называли Ведун.

Строптивный готов был провалиться сквозь Землю.

«О, Боже! Отец мой, – сказал он, – суди меня жестоко, как ты можешь. Я не достоин даже презренья Твоего... Но она ни в чем не виновата. И на товарищах моих нет вины. Они меня предупреждали...»

Потом, уже после суда, поговаривали, что не окажись женщина беременной, Всевышний не был бы так суров со своим любимцем. И поговаривали, что Всевышний все-таки пощадил фаворита. Он, дескать, дал возможность Строптивому работать в его команде, а не отправил в Кругообороты. Значит, ценил Строптивного. Не хотел, чтобы его знания пропадали все...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.